

С. 3

Студенты богословских и гуманитарных факультетов встретились в стенах Московских духовных школ

В завершение вечера прозвучала песня «Пой, брат!», которую сочинил один из студентов Свято-Филаретовского института

С. 5

«Я уже хотел отказаться от хиротонии...»

К 140-летию со дня рождения епископа-катехизатора Макария (Опоцкого) мы публикуем уникальный документ из государственного архива – письмо, в котором владыка искренне делится с патриархом Тихоном своими опасениями и сомнениями в связи с деятельностью ВЦУ

С. 8

Картинки с фестиваля

Об информационной войне, обсуждении документов Межсоборного присутствия, внутрицерковных дискуссиях, а также о том, умрут ли печатные СМИ, и о многом другом – в репортаже с фестиваля православных СМИ «Вера и слово»

Миссионерское обозрение Просветитель Камчатки

Изучив тунгусский (эвенкийский) и корякский языки, будущий митрополит Нестор (Анисимов) перевел на них Божественную Литургию, частично Евангелие и избранные молитвы. Уже тогда его стали заслуженно называть «апостолом Камчатки».

Исповедничество прошлых поколений будет источником настоящего взрыва веры

Интервью с протоиереем Сергием Стаценко, председателем Просветительского отдела Ташкентской епархии

Для Ташкента, а может быть, и для всего Узбекистана храм святого благоверного князя Александра Невского имеет особое значение: он является одним из старейших в республике. Храм расположен на городском кладбище №1 по ул. Боткина, благодаря чему кладбище получило народное название Боткинское. Это кладбище известно захоронениями людей, именитых как в светском мире, так и в церковной среде. Достаточно назвать имена таких деятелей, как Д.Н. Ушаков, составитель Толкового словаря русского языка и митрополит Арсений (Стадницкий), известный исповедник, один из кандидатов на патриарший престол на Поместном соборе 1917–1918 г.

Настоятель храма св. Александра Невского протоиерей Сергей Стаценко

помимо того, что несет это послушание, возглавляет Просветительский отдел епархии, а также является проректором по учебной части Ташкентской Духовной семинарии. Это совмещение служений, по словам о. Сергия, обязывает его заниматься историей края, а также поиском методов воцерковления людей, объединения номинально православных соотечественников вокруг Церкви. Обо всем этом мы и задали о. Сергию несколько вопросов.

Отец Сергей, можете ли Вы рассказать о тех, на ком держалась жизнь епархии в советское время?

Начну, наверное, несколько пафосно. Каждый из этих людей был подлинным светильником веры. Об этом свидетельствуют их современники. Лучше говорить о конкретных примерах. Так, когда в 1936

году умер митрополит Арсений (Стадницкий), многие из духовенства и мирян, томясь ужасными предчувствиями, говорили: «Всё, это конец! Нет теперь молитвенника за нас, теперь начнётся!» Так оно и случилось, предсказание было верным – вскоре наступил злоеший 1937 год...

Эти люди могли своим внешним авторитетом и внутренней молитвой удерживать ситуацию даже на уровне политическом, и с ними считались даже власти. Здесь исповедники веры были более в чести, чем в России. Одна из причин этого видится в том, что Средняя Азия отличается особым отношением к старшим по возрасту, окружает особым почетом людей, заслуживших уважение за свои труды и подвиги.

окончание на с. 4

«Кифе» – 10 лет

Священник Георгий Кочетков, духовный попечитель Преображенского братства: Десятилетие газеты «Кифа» – это большая радость. В наше время, когда всё быстро меняется, и даже хорошие начинания часто портятся, очень радостно поздравить «Кифу» с тем, что за десять лет, пусть иногда что-то в ней было лучше, что-то немного хуже, но она никогда не портилась. Её всегда было радостно открывать и читать. Для человека, который умеет читать церковные тексты, это не газета, это просто какой-то кладёзь свежего духа, действительно церковной премудрости, дерзновения и в то же время традиции. Здесь всегда много нового, интересного. Может показаться, что иногда тематика, авторы, методы довольно однообразны, и внешне это действительно может выглядеть так, но внутренне это не так. Нужно только приложить немного усилий, чтобы проникнуть через какую-то поверхностность восприятия, и тогда увидишь, что за всем этим стоит и глубина, и мысль, и сила духа, и большое многообразие.

Я хотел бы пожелать газете только одного – чтобы и в дальнейшем, пока Господь даёт ей жизнь, не терять этой актуальности, этой внутренней заинтересованности, а также интереса читателей. Пусть она совершенствуется (а совершенствоваться надо всем и всегда), пусть будет ещё более многообразной, ещё более интересной, ещё более последовательной, ещё более критической, пусть она будет более аналитической. Пусть для каждого, кто печатается в этой газете, это станет своеобразным подарком, подарком судьбы, подарком от Бога. Пусть каждый чувствует, что он попал не в какую-то жёлтую прессу и не в какой-то сухой бездушный официальный, а на живое поле, где растут все добрые и красивые цветы. Всё, что красиво, всё,

что добро, всё, что истина, то находит своё место, и должно находить своё место в газете «Кифа».

Поэтому я желаю всем сотрудникам, всем-всем-всем, – и тем, кто определяет направление «Кифы», тем, кто бережёт свободу этой газеты, и в то же время тем, кто занимается технической стороной, оформлением, – желаю большого вдохновения, чтобы оно никогда не оскудевало и сочеталось с умением слышать время. Часто сейчас цитируют это знаменитое место: «В ком сердце есть, тот должен слышать время» (такое часто встречающееся намеренное видоизменение цитаты из стихотворения Мандельштама «Сумерки свободы», на мой взгляд, несколько не противоречит авторской мысли – прим. о.ГК). Это очень хорошие слова, потому что здесь речь идёт о сердце не столько душевном, сколько духовном. Человек должен быть духовно зрячим. И этой зрячестью обладает газета «Кифа». Она почти полужурнал. И это ей часто ставят в упрек, но я бы не стал этого делать. Потому что журналов сейчас никто не читает, а вот газету читать могут. И пусть её читает как можно больше людей – во славу Божию и для возрождения нашей святой церкви!

окончание на с. 7

Церковь и общество: диалог, а не противостояние

Круглый стол журналистов и членов Преображенского содружества, посвящённый проблемам взаимоотношений церкви и общества, состоялся 31 октября в Доме Русского зарубежья на Таганке. Именно таким разговором наша газета решила отметить своё десятилетие. Мы публикуем некоторые из прозвучавших на круглом столе выступлений (одно из них – слово О.А. Седаковой – было представлено в аудиозаписи).

Сергей Чапнин, ответственный редактор «Журнала Московской Патриархии»: Когда мы говорим о диалоге Церкви с обществом (мне категорически не нравится эта формула – «диалог Церкви с обществом» – но, тем не менее, это устоявшийся термин, и приходится его постоянно использовать), мы очень часто пытаемся всё проговорить «до конца», не оставляя неясностей. Но динамика нашей жизни – политической, социальной и даже церковной – настолько высока, что законченных формул нет.

Те концепции, которыми мы сегодня так привычно оперируем («симфонии властей», «Святой Руси», «церковного возрождения»), выглядят всё менее убедительно, а в некоторых случаях даже фальшиво. Когда мы пытаемся представить нынешних политиков христианскими политиками, мы выдаем желаемое за действительное. К сожалению, христианских политиков в современной России нет. Когда мы используем вроде бы очень привычный термин «церковное возрождение», мы тоже должны внимательно посмотреть, а что же это такое? На мой взгляд, и эта концепция сегодня работает всё хуже и хуже.

Возрождение – это прежде всего обращение к прошлому, восстановление (реконструкция) того, что было прежде, но оказалось забыто или разрушено. Вместе с тем, главное содержание нашей церковной жизни – это движение вперед, использование новых форм и технологий. Воскресные школы, которых не было прежде в православной традиции; преодоление сословного характера духовных семинарий; активное освоение интернет-пространства и телевизионные трансляции богослужений; монолитное строительство – в самых разных областях церковной жизни мы используем столько нового (и это совершенно естественно!), что в прокрустово ложе церковного возрождения это никак не вписывается.

И тем не менее смысловой акцент на реконструкции и восстановлении в последние двадцатилетие был ясным и очевидным. К чему это привело? Сформировалось большое сообщество церковных людей, которые говорят, что разговоры о включении Церкви в жизнь общества как минимум не благочестивы, а скорей всего и прямо опасны для Церкви в России. Поэтому возникает какая-то особая, излишняя осторожность в решении, казалось бы, простых и понятных вопросов.

Я убежден, что тот кризис, в котором сегодня находится общество, для нас должен найти свой выход в серьезном переосмыслении форм и задач церковной жизни. И переосмысление не с точки зрения «Церкви вообще», а в глубоко личной перспективе: «Что значит Церковь для меня? Как Церковь, к которой я принадлежу, раскрывается в моей жизни?»

окончание на с. 6–7

Церковь и общество

Ольга Седакова стала академиком Амвросианской академии

Поэт, переводчик, филолог, доктор богословия Европейского гуманитарного университета, член попечительского совета Свято-Филаретовского православно-христианского института Ольга Седакова была избрана членом Амвросианской академии.

Звание академика одной из старейших академий в Италии было присвоено Ольге Александровне за её «Словарь трудных слов из богослужения». Автор относит свою работу к «словарям вероятных (а порой и неизбежных) недоразумений, смысловых иллюзий. Недоразумения такого рода возникают, когда при работе с другим (и особенно близкородственным) языком читатель исходит из тех значений слов или морфем, которые известны ему по родному языку. ...В таком случае понимание известных стихов: “Яко непостоянно величие славы твоея” или “страстей моих непостоянное и лютые утоли смущение” окажется просто превратным».

Словарь хранится в одной из самых богатых коллекций Италии – Амвросианской библиотеке в Милане. О присвоении звания академика Ольгу Седакову лично известил директор класса славистики Амвросианской академии, профессор, академик дон Франческо Браски. «Дон Франческо Браски – человек старинной католической учёности, которая теперь уже редко встречается. Он занимается восточным христианством, знает много языков: древнеармянский, коптский, грузинский, не говоря уж о греческом, – и в последние годы стал заниматься славянским. И ему попался мой словарь паронимов. Он был поражен и сказал, что автор достоин быть академиком, хотя в то время он ничего обо мне не знал», – рассказывает Ольга Седакова.

Торжественная инаугурация новых членов Амвросианской академии состоится в следующем году.

Информационная служба СФИ

Хотелось бы всех поимённо назвать...

В разных городах России 30 октября читали имена земляков, погибших в годы советских репрессий

30 октября, в День памяти жертв политических репрессий, в Санкт-Петербурге в «Фонтанном доме» (музей Анны Ахматовой) Свято-Петровское братство, Анатолий Яковлевич Разумов (руководитель центра «Возвращённые имена» и куратор Левашовского мемориального кладбища) и сотрудники музея организовали «акцию памяти» и зачитывали имена расстрелянных в годы репрессий в СССР. Имена также читали друзья братства и просто люди с улицы, которых приглашали прямо на Литейном проспекте. Многих не останавливал ни холодный ветер, ни темнота, ни сам характер акции, который мог быть воспринят неоднозначно. Чтение имён прерывалось лишь на краткую вечернюю и литию. Все присутствовавшие читали имена, у некоторых в глазах стояли слёзы, и многие открыто говорили о важности и необходимости подобных акций, поддержания исторической памяти, чтобы, по возможности, избежать подобных катастроф в будущем.

Анатолий Яковлевич Разумов, руководитель центра «Возвращённые имена»:

Нельзя думать, что все будут помнить одинаково сильно. Не может такого быть, поскольку все люди разные. Но тот, кто чувствует в себе возможность и призывает нести память, должен всё для этого делать.

Максим Феликсович Якубсон, режиссёр:

Соприкасаясь с памятью и именами жертв Красного террора, начинаешь по-другому понимать и цену человеческой жизни, и саму жизнь, и свободу, и духовную свободу, и смысл жизни. Понимаешь, насколько важно пытаться защищать эти ценности и свободы, молиться, чтобы Господь не дал нам снова таких испытаний, потому что непонятно, насколько мы готовы к ним и сможем ли выдержать.

Свято-Петровское братство и все участвовавшие в акции надеются, что чтение имён, ставшее традицией, удастся продолжить, чтобы оно и дальше служило поддержанию исторической памяти.

В воскресный день 28 октября, несмотря на холодную погоду и мокрый снег, несколько десятков человек в центре Твери на Соборной площади, напротив здания, где когда-то располагалась следственная тюрьма НКВД (здесь были убиты более 5000 жителей Тверской области и 6296 польских граждан), сменяя друг друга, молились и вспоминали своих земляков, лишённых жизни во времена советских репрессий. Подходили студенты, молодёжь, многие вызвались читать имена. Проезжающие мимо автомобили притормаживали, пассажиры опускали стекла, спрашивали, что происходит, и брали напечатанные заранее листки с рассказом о том, что такое для России день 30 октября. Несколько сот таких листочков унесли и увезли с собой в этот день жители города. Кто-то проезжал мимо, но не было людей, которые проявляли агрессию или негативное отношение к происходящему.

Случайные прохожие подходили, спрашивали, делились мыслями и иногда воспоминаниями. Один из них, пожилой мужчина, рассказал, как в здании следственной тюрьмы оказалась его бабушка. Она собирала подписи против закрытия и разрушения храма. Её арестовали и какое-то время продержали в тюрьме. Выпустили, напутствуя словами «продолжишь это дело, останешься здесь навсегда». После пережитого, увидев, по словам внука, что делают там с людьми, она взяла на себя пост как обет, отказавшись от самых любимых блюд до самой смерти. Уходя, он просто сказал: «Правильное дело делаете, ребята. Так и надо».

Один мужчина, даже не прочитав протянутый к нему листок, сразу сказал: «Я приду, скажите где. Я приду 30 октября». И был приглашён на встречу, организованную братствами, которая прошла в этот день в Тверской областной библиотеке.

Такое прикосновение к судьбе своих предков в истории и молитве всегда рождает чувство причастности своему народу, его жестокой и трагической

судьбе. Эта молитва и память – противостояние злу беспамятства и равнодушия к судьбе каждого конкретного человека, и особенно наших предков, которые были лишены даже имён на своих могилах.

Чтение продолжалось шесть часов, пока не были помянуты все известные имена тверичей, погибших во времена советского террора, и завершилось, когда на улицах города стало темно. Зажглись поминальные свечи, и слова молитвы, усиленные динамиками, разносились по затихшему городу.

Никитинская площадь Воронежа – это центр города. Здесь много прохожих, но почти никто не знает, что за день – 30 октября. Кто-то понимающе кивает головой, когда слышит про чтение списков жертв, кто-то проходит мимо. А кто-то останавливается, слушает, а потом сам принимает участие в чтении имён. И самое удивительное здесь – голос читающего человека, который ещё десять минут назад и не знал об этой акции. Кто-то читает очень тихо, кто-то – вдумчиво, у кого-то голос дрожит от волнения, у кого-то на глазах слёзы. Никто не остаётся равнодушным. И человек уходит с Никитинской площади уже совершенно другим, приобщившимся к ожившей истории. Кто-то выходил к микрофону и рассказывал о своих репрессированных родных.

В этот туманный и дождливый день на Никитинской площади к началу чтений собралось более восьмидесяти человек. По благословению митрополита Воронежского и Борисоглебского Сергия протоиерей Василий Володько, настоятель Воскресенского храма, совершил литию.

За эти пять часов поминальных чтений удалось помянуть сравнительно немногих: около 800 имён из миллионов убитых. Но одно очень важно – из забвения были воскрешены имена отдельных людей, личностей.

По материалам репортажей Игоря Феденко (Санкт-Петербург), Игоря Корпусова (Тверь), Юрия Крапивина (Воронеж)

Православие за рубежом

Болгарская церковь опубликовала стратегию духовного просвещения, катехизации и культуры

Председатель Культурно-просветительского отдела Синода митрополит Ловечский Гавриил назвал стратегию, направленную на усиление православного свидетельства об аутентичной соборной вере в Троичного Бога, новой конституцией Болгарской православной церкви в области просвещения.

Главную цель деятельности Болгарской Церкви она определяет как спасение через обожение человека, а стратегические цели – как воспитание крещеных и некрещеных людей; создание условий для воцерковления и активного участия в жизни приходов и всей Церкви крещеных людей; духовное руководство христиан

в очищении от грехов и в благочестивой жизни; профилактику от влияния расколов, сект, инаковерия, суеверия и атеизма; возвращение в лоно Церкви отпавших христиан; усиление церковного влияния в сфере религиозного образования и в общеобразовательной системе Болгарии.

В первоочередные задачи входит улучшение подготовки священнослужителей и церковных преподавателей, развитие издательской деятельности, проведение научных форумов по обмену опытом, развитие информационной политики по освещению деятельности Болгарской церкви, организация просветительских курсов для детей и взрослых,

укрепление доверия между священнослужителями, мирянами и внецерковными людьми.

Согласно стратегии, при Синоде будет открыт Отдел по связям с общественностью, главной целью которого станет «создание положительного образа Церкви в обществе», а также открытие новых церковных учебных заведений, курсов, детских лагерей, проведение бесед, издание специализированной литературы и другое.

В качестве примера конкретных результатов воплощения стратегии приведены «увеличение числа воцерковленных людей, повышение степени их религи-

Александровский кафедральный собор, г. София

озного просвещения, духовного возрастания и участия в святынях Таинства Церкви», «осознание личной ответственности каждого члена Церкви, соблюдение канонических норм церковной жизни и иерархического и административного её устройства».

Седмица.ru

Издание Преображенского содружества малых православных братств

Кифа

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).

Главный редактор: А.В. Колымагина

Адрес редакции и издателя: 105062, г. Москва, ул. Покровка, д.29

Тел./факс: +7 (495) 624-9250

Электронный адрес редакции: kifa@list.ru

Электронная версия газеты: gazetakifa.ru

Подписной индекс в агентстве Роспечать – 19601

Над номером работали: Анастасия Наконечная, Максим Деметьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Дмитрий Дорошко, Ирина Кольцова, Лариса Мусина

Дизайн и верстка: Марина Подкопаева

Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение».

Газета издается с октября 2002 г.

Культурно-просветительский фонд «Преображение».

Все права защищены.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Нашу газету можно приобрести: в интернет-магазине predanie.org;

в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д.29, оф.38); **в Санкт-Петербурге:** в киоске «Предание», тел. +7-963-316-37-81.

Телефоны распространителей

Москва: +7-964-534-64-55 (Александра Ошарина), +7-965-146-14-56 (Анна Гринман), +7-965-128-15-07 (Марина Чиркова) **Санкт-Петербург:** +7-963-316-3981 (Анастасия Наконечная)

США, Канада: 1-651-210-4922, oleg@voskres.net

(Олег Воскресенский)

Архангельск: +7-921-073-3276 (Надежда Макурина)

Вельск: +7-921-247-1137 (София Кудрявцева)

Воронеж: +7-950-763-5035 (Александр Терехов)

Екатеринбург: +7-904-388-0391 (Татьяна Благодарева)

Рязань: +7-920-632-06-71 (Сергей Гаврилов)

Северодвинск: +7-964-296-9042, (Татьяна Колпакова)

Тверь: +7-909-266-88-83, +7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)

Тула: +7-920-746-69-73 (Марина Писаревская)

Электросталь: +7-926-787-4305 (Ольга Кузнецова)

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г.

Отпечатано в типографии «Эльф», г. Москва, ул. Сушевский вал, д. 49.

Тираж 1300. Цена свободная.

Выпуск подписан в печать 14 ноября 2012 г. Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00.

Дата выхода в свет 16 ноября 2012 г.

gazetakifa.ru

Православное образование

В СФИ состоялась защита итоговых работ

26 октября успешно защитили итоговые квалификационные работы три выпускницы Свято-Филаретовского православно-христианского института. Представленные к защите работы были написаны на кафедрах церковно-исторических дисциплин; миссиологии, катехетики и гомилетики; богословия и литургики.

Работа Ольги Борисовой стала первым исследованием церковной ситуации в Ташкентской и Среднеазиатской епархии в 1943–1958 гг. – исторический период между двумя этапами открытых гонений со стороны советского государства. С 1920-х гг. Ташкентская епархия стала прибежищем для отбывших сроки заключения в советских лагерях ссыльных и репрессированных клириков и мирян, а также представителей интеллигенции, что создало особые условия для интенсивной духовной жизни. Соискательница исследовала вопросы церковного служения духовенства и мирян, богослужения и проповеди, духовного просвещения и катехизации, благотворительности, церковно-государственных отношений. В работе показана церковная деятельность архиепископов Ермогена (Голубева), Кирилла (Поспелова), епископа Гурия (Егорова), члена общины священномученика Сергия Мечёва архимандрита Бориса (Холчева) и других выдающихся клириков и мирян. Соискательница ввела в научный оборот широкий круг архивных документов, а также интервью и воспоминания современников и участников исследуемых событий.

«Автор исследует пласт исторической жизни церкви, факты, события и лица которой не изучены и ставят исследователя в положение почти первооткрывателя трагических судеб мучеников и исповедников веры, сохранивших свои духовные ценности и святости в период преследований. Актуальность исследовательской работы нельзя переоценить, поскольку она выполняет долг нашей памяти о «подвизавшихся до крови» и «принявших венец жизни, его же обещал Бог любящим Его», – отметил в своей рецензии протоиерей Павел Адельгейм, лично знавший многих из тех, о ком говорится в исследовании.

«Считаю, что выполненная работа является ярким и новым словом в деле

прославления российских новомучеников и достойна после доработки увидеть свет в виде монографии», – заключил рецензент, доктор исторических наук Сергей Бычков, историк и публицист, хорошо знакомый с историей Ташкентской епархии.

Соискательница дала убедительные ответы на поставленные вопросы и сделанные замечания.

Работа Натальи Адаменко посвящена теме свидетельства о Воскресении Христа в жизни христиан II–IV вв. Указанный период в жизни церкви характеризуется наличием ярких свидетельств о Воскресении, которое для многих современных христиан, увы, не является центральным в их вере и находится на периферии их христианского сознания. В работе показано, как выражало себя свидетельство о Воскресении Христа в жизни и проповеди церкви во II–IV вв. Вера в Воскресение в жизни христиан проявлялась, прежде всего, в их отношении к смерти, в воздержании от греха и противостоянии злу, а также в «этике воскресения» – милосердии и благотворительности. На основании изученных источников и богословской литературы соискательница сделала вывод о том, что действенность и сила проповеди христиан в указанный период связана с единством их веры и жизни, в центре которых было открытие о Воскресшем Христе. С IV века, когда христианство превращается в государственную религию Византийской империи, свидетельство о Воскресении «словом и житием» становится по преимуществу уделом монахов, что говорит о начинающемся разделении в церкви и, следовательно, упадке христианской жизни.

Светлана Штадгауз защитила работу «Учебный курс аскетике в современной системе богословского образования в Русской православной церкви (на основе опыта преподавания аскетике в СФИ)», основанную на многолетнем опыте преподавания в Свято-Филаретовском институте и богословском колледже. Курс призван помочь студентам как в приобретении к богатой аскетической традиции и знакомстве с основными источниками, так и в обретении практических навыков христианской аскезы.

Информационная служба СФИ

Студенты богословских и гуманитарных факультетов встретились в стенах Московских духовных школ

12 октября в Московской духовной академии и семинарии состоялась встреча, в которой приняли участие студенты и выпускники московских богословских и гуманитарных вузов: Российского православного университета, Свято-Филаретовского православно-христианского института, Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, Библейско-богословского института св. апостола Андрея, Российского государственного социального университета и других, а также прихожане храма мученицы Татианы при Московском государственном университете.

Студенческий вечер был приурочен к конференции «Церковь и общество в России на переломных этапах истории», посвящённой 200-летию Отечественной войны 1812 года, проходящей в эти дни в стенах МДАиС. Студенты Московских духовных школ провели для гостей экскурсию по Троице-Сергиевой лавре, а также показали спектакль «1812. Война одного человека».

Торжественную часть вечера открыл хор студентов Московских духовных школ, которые спели тропарь преподобному Сергию Радонежскому. Студенты рассказали друг другу о богословских

факультетах, на которых они обучаются, показали презентации и видеосюжеты о своих учебных заведениях.

Студенты СФИ рассказали об истории своего института. Выпускник бакалавриата Дмитрий Дорошко отметил, что Свято-Филаретовский институт был основан священником Георгием Кочетковым ещё в советское время и в этом году отмечает своё 25-летие.

«В основе подхода к учебному процессу лежат несколько принципов, – сказал Дмитрий. – Прежде всего, это непосредственная связь богословского образования с верой и жизнью. Невозможно, скажем, изучать православное богослужение, никак не участвуя в нём и не понимая его. Нельзя относиться к духовному образованию утилитарно, как к возможности получить некий навык или удовлетворить свои амбиции: цель духовного образования – послужить Богу и Церкви».

В завершение вечера в стенах Московской духовной академии прозвучал псалом 56 в переводе Сергея Сергеевича Аверинцева и песня «Пой, брат!», которую сочинил один из студентов СФИ.

Информационная служба СФИ

Исследования СФИ о епископе Макарии (Опоцком) были представлены в Государственном архиве Костромской области

8 октября в Государственном архиве Костромской области прошёл ежегодный день памяти краеведа Александра Григорова. Были вручены премии за работы в области краеведения исследователям, студентам, школьникам, а также их научным руководителям.

С сообщениями выступили члены комиссии, победители, номинанты и гости. Лауреат областной премии им. Григорова Галина Брезгина представила свою работу по воссозданию алфавитного списка священно- и церковнослужителей Костромской епархии начала XX века. Студентка Свято-Филаретовского православно-христианского института Алек-

сандра Буданова рассказала о научных исследованиях института, связанных с именами епископа Макария (Опоцкого) и его помощника протоиерея Андрея Артамонова. Было представлено развёрнутое сообщение главного хранителя фондов Церковно-археологического музея об истории Церкви Рождества Пресвятой Богородицы в Ипатьевском монастыре.

Выступления затрагивали как историю общества, показанную сквозь призму жизни отдельных семей, так и проблемы церковной истории.

Информационная служба СФИ

Новости православных братств

Граждане Божьего града

Уникальная выставка открылась 21 октября в воскресной школе небольшого поселка Саблино под Петербургом. Впервые выставка «Граждане Божьего града», посвященная жизни новомучеников и исповедников российских, служивших в годы советских репрессий в Средней Азии, экспонировалась в мае 2012 года в Доме-музее А.А. Ахматовой в Петербурге, затем побывала в Волхове и вот теперь в Саблино.

Путешествие экспозиции по небольшим городам и поселкам области – проект ее организатора – Свято-Петровского малого православного братства (Преображенское содружество малых православных братств).

Что значит открытие выставки для ваших прихожан и для Вас лично?

Прот. Николай Аксенов: У нас разные выставки проходят, но такая в первый раз. Тема очень важная, животрепещущая. Новомученики – это почти наши современники, которые прошли через горнило страданий, через пытки, через лагерь – и выстояли. Для нас важно это знать, потому что это наша история. Можно сказать, что благодаря их молитвам и наша церковь, и наше го-

сударство Российское живы. Память об их жизни, мы возвращаемся к истокам своей веры. Наш народ потерял по сути сокровище веры. Как говорил Николай Васильевич Гоголь, мы имеем сокровище, цены которого не знаем. Это наша вера православная, наша церковь.

Когда знакомимся с историей русской святости, историей новомучеников, и самим хочется быть таким же твердым, таким же мужественным исповедником веры Христовой.

Для Вас это и личная тема. Ваш дедушка тоже пострадал.

Почти у каждого русского человека родственники прошли через лагерь, ссылки. Еще живы свидетели этих событий, такие как отец Павел Адельгейм, который был знаком с героями нашей выставки. Я думаю, нашим прихожанам было интересно и важно об этом узнать.

Видно было, что люди за живое брали.

Невозможно, чтобы рассказ о тех страданиях, которые потерпели новомученики, не затронул сердце. Важно, что они прошли через эти страдания, гонения – и не озлобились. Мне прихо-

дилось в жизни встречать людей, которые прошли сталинские лагеря, ссылки. Казалось бы, они должны озлобиться, но они мягкие, готовы всех прощать.

Наверное, не все? Люди по-разному проходили лагеря. Были не только те, кто готов был всё прощать.

Те, кого я лично знал, были такими – всепрощающими. Это люди не от мира сего. О них подлинно можно было сказать: «Царство Божие внутри вас, благодать Божия». Помню такую картинку из детства. В Подмоскovie служил старец отец Амвросий Балабановский. Он умер в 102 года. Он в лагерях не был, но послушником служил еще в Оптиной пустыни, помнил о. Амвросия Оптинского. Последние годы он не мог ходить, его приносили в храм на носилках. Вот он сидит на клиросе, и пришла женщина с какой-то скорбью, рассказывает. Он сидит, гладит ее по голове – и от него такая любовь исходит, такая доброта, и слов много говорить не надо, человек рядом находится – и чувствуется это отношение, эта любовь. Несмотря на то, что они претерпели, они сохранили все это и приумножили. Вот что я имею в виду.

Беседовала Анастасия Наконечная

Нужна ли библиотека в электронную эпоху

В Культурно-просветительском центре «Преображение» состоялся семинар на тему «Чтение книг в электронную эпоху. Есть ли будущее у братской библиотеки?». Молодые сотрудники и добровольные помощники библиотеки составили анкету, пытались выяснить, любят ли читать её посетители. Из ответов видно, что читать 96% любят, а 4% не любят, но все равно читают. Молодежь больше читает электронные книги, но и люди старше пятидесяти тоже за них, что, казалось бы, удивительно.

Самым полезным и важным результатом обсуждения стало предложение составить электронную библиотеку книг, рекомендуемых оглашаемым. Пока что и они сами, и их список существуют лишь в бумажном виде.

Татьяна Панкова

Исповедничество прошлых поколений будет источником настоящего взрыва веры

Начало на с. 1

Интервью с протоиереем Сергием Стаценко, председателем Просветительского отдела Ташкентской епархии

Кроме того, эта земля была местом ссылки, куда ссылались или куда бежали самые лучшие православные, и ссыльные могли более свободно вести какую-то работу ради сохранения веры в народе. Благодаря этим людям вера здесь держалась, и не просто держалась, а, может быть, даже приумножалась. Некоторые из ссыльных были ведущими иерархами Церкви, митрополит Арсений был одним из кандидатов на патриаршество – эти факты говорят сами за себя. Во всех источниках, по которым мы сейчас собираем биографию иерархов, священников и подвижников-мирян, говорится, что уровень их образования был необычайно высоким. Эти люди своим авторитетом, проповедью, словами, делами, подвижническим образом жизни сохранили, вынесли веру на своих плечах.

Знаковый пример того времени – владыка Гавриил (Огородников). Пока он был на ногах, благодаря его настойчивости в епархии сохранены были все приходы, а в некоторых местах даже открывались. Он был настоящим воином, защищавшим Церковь. Похоже, что эти войны его и надорвали. Может быть, ему нужно было вовремя уйти, но заменить его было некем. К концу жизни он тяжело заболел, и по сути дела управлять епархией начал прот. Федор Семенов, епархиальный секретарь. Более десяти приходов было закрыто. Но и тогда владыка, хоть и вынужден был лежать, до конца не уходил от управления. Если бы его не было, не было бы его молитв, закрыто было бы гораздо больше. А так закрыли в основном все-таки дальние приходы, очень маленькие, «неперспективные».

В своем вступлении к книге, посвященной о. Пахомию Лаю, ученику архиепископа Ермогена (Голубева), Вы пишете, что о. Пахомий – «явление уникальнейшее для Ташкентской и Среднеазиатской епархии». В чём прежде всего проявилось его ученичество у владыки Ермогена?

Помните письмо, которое о. Пахомий написал в газету в ответ на публикацию Людмилы Шейн? Он заканчивает его легко считываемым намеком, выражен-

Протоиерей Пахомий Лай

ным словами Исаака Ньютона, который говорил, что бывают уроды физические и бывают уроды моральные, уродство которых определяется отсутствием веры. Вспомните, ведь это были времена хрущевских гонений, и, по идее, батюшку должны были «упечь» куда подальше и очень надолго. Но промыслом Божиим Н.С. Хрущёва в тот момент сняли, и всё обошлось. Так что в первую очередь от владыки Ермогена о. Пахомий перенял бойцовский характер. В его склонности к самообразованию и к дотошному постижению сути вещей, я думаю, тоже сказались характер владыки Ермогена. Плюс еще неумная работоспособность.

Архимандрит Борис (Холчев) со своими близкими

Это был действительно кипящий человек. Он и умер-то на спевке, где активно «корректировал» певчих, кипятился, отпускал шутки, прибаутки, и – раз, закашлялся, упал... и всё.

Когда в епархии начала развиваться просветительская деятельность, стали устраиваться встречи с людьми в больших залах, о. Пахомий был постоянным участником этих мероприятий. Его проповеди были очень горячие, эмоциональные, доходчивые. И общение с людьми на этих встречах было таким же. Люди часто туда и ходили «на о. Пахомия».

Говоря о духовных светочах нашей епархии, невозможно не вспомнить и архимандрита Бориса (Холчева). Для нашей епархии он – один из главных кандидатов на канонизацию, и одна из основных его заслуг – это катехизация. Отец Борис оглашал в годы махрового атеизма; его авторству принадлежат замечательные катехизаторские проповеди; он автор нескольких методических разработок по катехизации. Если его канонизируют, то архимандрит Борис будет небесным молитвенником «за просвещающих и просвещаемых», и не только по Узбекистану, – он же известен в общероссийском масштабе, на уровне всей Русской Православной Церкви.

Как я поняла, это было несколько бесед со взрослыми, причем не в обязательном порядке. Те, кто желал, их проходили, тех, кто не желал, крестили так.

Именно так и было, потому что стоило бы отказать в крещении кому-нибудь из «засланных казачков», и они могли бы тут же опубликовать статью якобы от имени верующих, пошла бы «волна»... Тем не менее, говорят, на это оглашение приходило много людей. Остались свидетели – священники, миряне, с которыми он беседовал, наставлял.

Много – это сколько? И как много людей могло приходиться в то время?

Насколько позволяло помещение крещальни. Было и по 10, и по 20, и даже по 30 или 40 человек, но там он уже, по всей видимости, делил их на группы. Никаких документальных свидетельств, к сожалению, не сохранилось. Отец Владимир Кондратенко рассказывал мне, что о. Борис к тому времени совсем ослеп. Он не мог служить, но оглашал, произнося всё по памяти.

А как сейчас проходит в вашей епархии катехизация?

Благодаря владыке Викентию, деятельность по катехизации уже обрела регулярную основу. Перед крещением во всех храмах епархии в обязательном порядке проводится 12 огласительных бесед. Это приблизительно 3 месяца. Поначалу

это дело пробуксовывало, у нас, например, в храме на первое занятие, которое я назначил, никто не пришел. А на второе занятие пришло сразу 10–12 человек: видимо, во всех храмах, куда люди обращались, выдвинули те же самые условия. Сейчас у нас на каждом занятии человек 50–60, – и это с учетом того, что храм находится для некоторых в не слишком приятном месте – на кладбище. Причем приходят не только те, кто готовится к крещению, но и уже крещенные люди. Мы стараемся проводить эти беседы в «семейной» обстановке – на каждом занятии стараемся организовать чаепитие, после основной лекции ведется диалог с оглашаемыми, по окончании каждого занятия проводится просмотр фильмов.

Если говорить об Успенском кафедральном соборе в Ташкенте, то там огласительные беседы уже давно разделены на несколько потоков в день. Недавно появились вечерние занятия в будние дни.

Эти беседы как-то связаны одна с другой, есть какая-то последовательность, углубление? Или они раскрывают по очереди разные стороны церковной жизни – богослужение, например?

Богослужение – это та сфера, где двенадцатью беседами явно не ограничиться. Если говорить о богослужении, то каждое воскресенье слушатели Огласительных бесед призываются в храм, где над ними читается молитва по окончании ектении об оглашенных. В плане передачи знаний у каждого священника свой подход в оглашении. У нас беседы – это в первую очередь толкование Символа веры. Кроме того, на каждом занятии обсуждаются нравственные проблемы, богослужебная жизнь христианина. Мы

Если архимандрита Бориса (Холчева) канонизируют, он будет небесным молитвенником «за просвещающих и просвещаемых»

говорим о призвании человека, раскрываем понятие греха, говорим о молитве, говорим и о многом другом. Всё это совмещается. Многие темы возникают экспромтом, когда слушатели начинают задавать разные, порой очень неожиданные, вопросы. Занятия идут по 2–3 часа. И всё равно этого, к сожалению, мало. Тем не менее, лучше приучить людей хотя бы к этому уровню. Даже в таком варианте дело воцерковления православных в нашей епархии делает большой шаг вперед. Владыка Викентий в бытность управляющим Екатеринбургской епархией установил подобный порядок крещения на приходах, там в некоторых храмах проводилось по три-четыре беседы перед крещением. У нас же приобрело более интенсивный характер – может быть, в силу небольшой территории и возможности контроля.

Ограничиваетесь ли Вы в общении с людьми только огласительными беседами?

Конечно, мы стараемся этим не ограничиваться. По окончании цикла бесед из 12 лекций мы предлагаем приходиться всем, кому понравилось, на воскресные собеседования, которые иногда называют «воскресной школой». Воскресные встречи – это уже другой уровень получения знаний. Занятия там тоже можно назвать катехизацией, но более глубокой, здесь мы делаем упор на изучение Священного Писания, плюс даются знания из Катехизиса. То есть проводится толкование Евангелия с одновременным осознанием людьми догматических истин.

Наверное, в связи с этим на одно из первых мест выходит проблема катехизаторской подготовки священников и их богословского образования?

В нашей епархии практически все священники – около 90% – имеют богословское образование. Еще митрополит Владимир обязал каждого клирика поступать в Ташкентскую семинарию. Естественно, не каждому из нас дается возможность блеснуть ораторскими талантами, не каждый в череде забот находит время излагать церковное учение, поэтому в 2007 г. по нашей с Романом Дорофеевым – вторым проректором по учебной части семинарии – инициативе было создано Катехизаторское отделение. Специальный и, может быть, главный предмет – Практическую катехизацию – мне пришлось разрабатывать с нуля. Сначала это был одногодичный курс для девушек, затем двухгодичный. В прошлом году по благословию митрополита Владимира я начал читать этот курс для мужского Пастырско-богословского отделения.

А что такое «Практическая катехизация»?

Предмет можно назвать «Методы ведения катехизации». Это сугубая практика: как общаться с людьми, что делать в том или ином случае, как работать с молодежью и т. д. Естественно, часть курса идет под запись, но многое подробно проговаривается, например, те сложные моменты, которые могут возникнуть в работе катехизаторов. Всех коллизий описать невозможно. И в этом отношении мне помогают студенты своими вопросами по различным ситуациям.

Используя полученные знания, в Успенском соборе каждый день студенты – одна девушка и двое ребят – дежурят в качестве приходских консультантов.

Вы говорите о прежних поколениях священства, и о владыках, и о священниках как об уникальном явлении. Сейчас и священство сменилось, и время изменилось, произошла смена поколений. Можно ли сказать, что это так? Безвозвратно ли ушло прошлое, есть ли какая-то преемственность?

Мне кажется, оценку современного поколения лучше оставить поколению будущему. Нашу работу должны оценивать уже те, кто придет за нами. Но я думаю, говорить о том, что преемственность потеряна, ни в коем случае нельзя. Церковь стоит на крови мучеников. То же самое и здесь: исповедничество прошлых поколений людей, я думаю, будет источником настоящего взрыва веры. Пусть не сейчас, пусть пройдет какое-то время. Сначала люди привыкнут к тому, что Церковь – это значимая сила в современном обществе, а потом уже появится не подлинный интерес даже, а начнется подлинная жизнь.

У меня сложилась своя концепция жизни Церкви. Сейчас, после богоборческого режима, в Церкви должно было пройти три этапа – строительство, просветительство и заключительный, призванный продолжаться в века этап – духовничество. Строительство закончилось, я думаю, на патриархе Алексии II. Патриарх Кирилл – ярко выраженный просветитель. Пойдет следующее поколение – будут духовники, с условием, конечно, что просветительство будет успешным. Господь дает все возможности для такой работы. Так что будущее зависит от нас...

Беседовала Ольга Борисова

«Я уже хотел отказаться от хиротонии...»

В своём письме патриарху Тихону, написанном в 1923 г., епископ Макарий (Опоцкий) искренне делился своими опасениями и сомнениями, связанными с деятельностью ВЦУ

16 (29) ноября исполняется 140 лет со дня рождения епископа-катехизатора Макария (Опоцкого) — выдающегося пастыря, исповедника веры. Предлагаем вниманию читателей уникальный документ из фондов Росийского государственного исторического архива — письмо епископа Макария патриарху Тихону, датированное 1923 годом. Письмо публикуется впервые. Оно написано Святейшему в связи с его освобождением из тюрьмы ГПУ на Лубянке. С одной стороны — это ценный документ эпохи, в котором отражены события церковной истории 1920-х годов, когда начал набирать силу обновленческий раскол. Находясь в тяжелом положении между двумя властями: обновленческой и светской, не имея достоверной информации из центра, духовенство и верующие на местах были вынуждены действовать на свой страх и риск. В частности мы видим, как происходил захват обновленцами власти в Новгородской епархии и образование там обновленческих структур.

Ваше Святейшество, Милостивый Архипастырь и Отец! Радуюсь Вашему освобождению, спешу засвидетельствовать пред Вами мое церковно-каноническое единство с Вашей Святыней и сказать, что Вы в моем сознании не переставали быть и почитаться Патриархом Московским и всея Руси.

Как моему Патриарху я и считаю долгом исповедать пред Вами мое настоящее настроение и пожелания.

4 декабря 1920 года Ваше Святейшество благословил мое желание и побуждение принять на себя епископское служение и для подготовки к нему послал в распоряжение Высокопреосвященного Арсения, митрополита Новгородского. От руки последнего я принял (14 июня 1921 г.) пострижение и четыре месяца был в послушании игумена Макарьевского обители (вблизи ст. Любань Ник. ж.д.). После сего митрополит назначил меня делопроизводителем своей канцелярии, а 17 апреля 1922 г. возвел в сан архимандрита. В этот же день он объявил мне, что скоро пошлет меня викарием в один из уездов епархии. Но этого обещания Ему не пришлось исполнить. Через два месяца (в июне) Владыка был вытребован властью в Москву. По отъезде же его в Новгороде неожиданно организован комитет партии Ж.Ц.¹ и стал действовать властью по уполномочению никому еще неизвестного учреждения, назвавшегося ВЦУ².

Заместитель Митрополита, Крестецкий епископ Серафим, ради выяснения неожиданно создавшегося положения в епархиальной жизни собрал все духовенство города. Необходимо было решить вопрос об отношении к ВЦУ. Отцы порешили послать в Москву двух уполномоченных для справки. По возвращении их духовенство по предложению епископа Серафима еще раз собралось для заслушания доклада уполномоченных. Последние объяснили собранию, что ВЦУ — учреждение неканоничное, но, в виду того, что никакой другой высшей церковной власти нет на лицо, — необходимо временно признать ВЦУ, возглавляемое православными епископами Антонином и Леонидом.

В силу выяснившейся необходимости иметь центральный орган церковной власти все собрание под председательством епископа Серафима постановило временно признать ВЦУ органом высшей церковной власти, каковым оно было признано и собранием оо. благочинных гор. Москвы. На этом же собрании было избрано шесть членов Епархиального Управления, в том числе и я. Предполагая невозможность возвращения митрополита в Новгород, собрание наметило и кандидата на Новгородскую кафедру в лице известного всему народу и уважаемого — вдового протоиерея Александра Лебедева.

Когда же было получено от ВЦУ известие, что, согласно своего прошения митрополит уволен на покой, то этот факт Епархиальное Управление поняло, как доказательство признания ВЦУ и са-

мим митрополитом и потому поспешило обратиться в ВЦУ с просьбой — утвердить избрание и рукоположить протоиерея Лебедева в сан Новгородского епископа.

ВЦУ уважило эту просьбу. В Новгород был послан член ВЦУ — новопоставленный епископ Иоанн Альбинский, который совместно с Новгородскими викариями — Крестецким Серафимом и Валдайским Иосифом и совершил хиротонию над протоиереем Лебедевым. Приняв хиротонию епископ Александр возгласил по положению Епархиальное управление и дело пошло обычным порядком.

Но местный комитет партии Ж.Ц., воспользовавшись пребыванием в Новгороде Иоанна Альбинского, захотел склонить двух архиереев и городское духовенство к вступлению в партию, как единственную (по их объяснению) платформу, стоя на которой духовенство может избавиться от подозрений и репрессий власти. Ни о задачах партии, ни о способах достижения намеченных ею целей духовенство ничего тогда не знало. Вот почему собравшееся в Софийском соборе духовенство вместе с епископом Александром и Серафимом записалось в партию. Не зная еще революционного характера партии Ж.Ц. и смотря на нее, как только на политическую платформу, созданную для духовенства в доказательство его доброжелательного отношения к существующей власти, и я записался в партию.

По желанию Епархиального Управления я был включен в список кандидатов на занятие одного из викариатств епархии, каковой (список) и был представлен на усмотрение ВЦУ. Последнее предложило мне взять на себя епископское служение в Старорусском уезде. Боровичское же духовенство с православными гражданами города избрало меня своим епископом. Но, имея в душе чувство подозрения к создавшемуся положению православной церкви, я отказался от означенного предложения.

Давно посвятив себя делу благовестия Имени Христова и Его благодатного Царства, делу благоустройства приходов на основе «веры, действующей любовью, и реального братолюбия», я просил ВЦУ верить мне только одно миссионерское дело в Новгородской епархии с правом иметь помощников. ВЦУ согласилось с моим желанием и вызвало меня в Москву для принятия хиротонии во епископа Крестецкого, а епископа Серафима одновременно перевело, согласно его просьбе, в гор. Боровичи.

Откровенно скажу, Ваше Святейшество, — я не хотел ехать в Москву. И только по совету епископов Серафима и Александра Лебедева я решился ехать. Здесь я посетил своего владыку Арсения и просил совета. Владыка не дал мне определенного ответа касательно предстоящей моей хиротонии. Из его слов я понял, что лучше бы подождать с хиротонией, пока не умиротворится само ВЦУ, где в то время происходили споры между партией возрождения и партией Ж.Ц.

С другой стороны — это письмо глубже раскрывает перед нами личность епископа Макария, который даже в этом калейдоскопе событий не изменяет своему главному устремлению: он пишет о своем желании «потрудиться в родной епархии в качестве странствующего катехизатора и организатора православных приходов с характером «малых церквей» Христа».

Обращает на себя внимание и то, что излагая в письме обстоятельства своей епископской хиротонии и ставя вопрос о ее признании, он смиренно подписывается «архимандрит Макарий (Опоцкий)». Это и последующее письмо епископа Макария не остались без ответа. Вскоре он был принят патриархом Тихоном в общение, а в марте 1924 г. назначен викарным епископом в Череповец, где на него возлагалась важная миссия восстановления позиции патриаршей церкви.

Анна Дмитренко

Действительно, обострившаяся вражда, замеченная мною между этими партиями, привела меня в чувство страха и недоумения и я уже хотел отказаться от хиротонии. Но в числе членов ВЦУ оказался епископ Иоанникий, бывший Олонецкий и Петрозаводский, член 1-го Всероссийского собора и беспартийный. Его-то и назначило ВЦУ совершить над мною таинство хиротонии.

Не сомневаясь в святительском достоинстве епископа Иоанникия, я и решился принять от него рукоположение. 14-го сентября 1922 года епископ Иоанникий, епископ Армавирский Михаил, викарий Кубанской (Донской) епархии, епископ Борисоглебский, викарий Тамбовской епархии (оба вдовы протоиереи, с высшим образованием, избранные на епископское служение местным духовенством, до моей хиротонии и в моем присутствии рукоположенные тем же епископом Иоанникием) совершили над мною в храме Христа Спасителя чин хиротонии.

Насколько правильно моя хиротония, как таинство, совершенная означенными лицами, — предоставляю обсудить Вашему Святейшеству. Но духом своим я чувствую присутствие святительской благодати, как дара Божия, который стараюсь постоянно возгревать.

По рукоположении ВЦУ хотело использовать меня в качестве партийного работника и борца за лозунги Ж.Ц., но я решительно отказался от подобной, не свойственной моему духу, работы. Тогда, согласно моему предложению, ВЦУ поручило мне научную работу — пересмотр школьной догматической системы, в виду уже отмеченных богословской наукой ее недостатков (отзыв проф. И.В. Введенского на «Догматическое богословие» протоиерея Малиновского).

В течение месячного пребывания в Москве я углубился в свою работу, но в то же время убедился, что эта работа для известных мне реформаторов церковного строя не нужна, как имеющая мистический характер и что деятельность ВЦУ, ставшего органом властолюбивой партии Ж.Ц. приняла не характер мирного христианского прогресса и духовного обновления, но характер депотического насилия над религиозно-нравственной совестью консервативной части духовенства и верующего народа. Поэтому я решился окончательно освободиться от власти ВЦУ.

Испросив двухмесячный отпуск, я уехал в Черниговскую епархию, в Воздвиженское братство. Напрасно ВЦУ назначило меня управляющим Харьковской епархией, напрасно требовало возвращения в Новгород к месту моего назначения: я письменно отказался от всяких назначений. За это президиум ВЦУ от 7 февраля с.г. уволил меня на покой с запрещением священнослужения. Все это время я находился в Братстве, пользуясь гостеприимством протоиерея Секундова — члена 1-го Всероссийского Собора.

За это время (от 6-го октября 1922 г.)

обо мне, как ревнителя христианского православного братства, узнали соседние приходы Глуховского уезда, и теперь усердно просят меня стать их духовным вождем.

Откровенно скажу, Ваше Святейшество, что у меня нет определенного желания идти в беспокойную Малороссию, желающую украинизации, и создавать там самостоятельную православную епархию. Я — экзегет, трудящийся над новым переводом священных книг Нового Завета с греческого языка, и вместе — догматист, ищущий более глубокого освещения христианских догматов и таинства православной церкви. За что в глазах консервативных богословов и являюсь обновленцем. Мне желательно продолжить это важное церковное дело, чтобы доставить свой труд на благоусмотрение будущего 2-го Всероссийского Собора.

Но, если Ваше Святейшество признает за мною епископское звание, найдет необходимым удовлетворить просьбу союза уже 30 приходов Глуховского уезда и духовенства г. Глухова и пошлет меня в качестве самостоятельного Глуховского епископа, то я, как верный слуга Ваш, приму на себя сие служение, как монашеское послушание. Не скрою и своего желания потрудиться в родной епархии в качестве странствующего катехизатора и организатора православных приходов с характером «малых церквей» Христа. Однако не зная воли Божией о месте моего служения, я вторично веряю себя в распоряжение Вашего Святейшества, как пророка Божьего.

Сыновне преданный и непрестанно молящийся за Ваше Святейшество, архимандрит Макарий (Опоцкий), рукоположенный во епископа Крестецкого, кандидат Московской Академии выпуска 1906 года, родившийся 1872 года, священствующий с 1896 года и вдовствующий с 1902 года.

5/18 сентября 1923 г.

При сем прилагаю 1) документы о моей хиротонии и архиерейской присяге, 2) прошения и протоколы православного духовенства и мирян Глуховского уезда о моем избрании на епископскую кафедру г. Глухова Черниговской губернии и 3) протокол союза приходов с резолюцией Вашего Святейшества.

Резолюция патриарха Тихона: «18 сент. Собору епископов». Источник: РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 197. Л. 116-118.

¹ Раскольнической «Живой церкви» — ред.

² Высшее церковное управление — ред.

Церковь и общество: диалог, а не противостояние

Круглый стол журналистов и членов Преображенского содружества в Доме Русского зарубежья на Таганке

Начало на с. 1

Сергей Чапнин: Здесь невозможно повторение ответов, прочитанных в катехизисе. Здесь нужно найти свои слова, быть может, выработать свой язык, который будет отражать наше сердечное устройство. Сейчас, осенью 2012 года, это в большей степени вопросы, чем ответы, но очень хорошо, что эти вопросы возникают. Я вижу, как возникают и новые интонации в разговоре между православными.

Кстати, поиск новых подходов и новых интонаций идет и в разговоре Церкви с обществом. Нам задают вопрос: «Почему Церковь является самым большим, самым авторитетным общественным институтом?» Мы привычно отвечаем: «Это само собой разумеется, так было всегда», и даем стандартную, отшлифованную за последние 20 лет аргументацию. Но сегодня этого мало, нужны новые ответы и новые аргументы. Общество изменилось, и «старый вопрос» задает новое поколение людей. Как сегодня найти новый убедительный ответ? В этом вопросе нет ни коварства, ни неуважения к Церкви. Давайте будем считать этот вопрос честным и искренним и искать новые слова для убедительного ответа.

Не исключено, что период, который мы привычно называли «церковным возрождением», уже закончился. Как мы назовем новый период – пока не ясно. Мы делаем только первые шаги.

Если эти шаги будут осознанными, если некая успокоенность нас покинет, если у нас будет творческое отношение к нашей молитве и к нашей церковной жизни, церковному служению, мне кажется, тогда мы уверенно войдем в новый период церковной жизни.

Дмитрий Гасак, председатель Преображенского братства, проректор СФИ: Я разделяю позицию Сергея Валерьевича, что нынешняя ситуация совершенно особая. Но для того, чтобы ее лучше понять, но совсем, может быть, верна отсылка даже к эпохе столетней давности. Если 100 лет назад можно было говорить о нашествии антихристианских сил в традиционное российское общество и о попытке слома этого общества, то сейчас мы оказываемся, скорее, в той ситуации, в которой оказались христианские церкви в III–V веках, когда приходилось искать язык, выражать на языке римской империи (в то время – всего просвещенного мира) те ценности, ту веру, тот духовный опыт, который был для этой культуры не только нов, но и чужд. Мне кажется, что сейчас, после того, как Советский Союз пал и советская эпоха закончилась, мы скорее находимся в этой ситуации. И поэтому в диалоге церкви и культуры, церкви и общества очень важно понимать, из какого представления о современном обществе мы исходим. Мне кажется, что оно ближе к тому, когда церковь входила в языческое общество.

Здесь нужно очень хорошо понимать, скажем, о какой культуре мы говорим, потому что если говорить о культуре современного общества, то к этой проблеме нужно прилагать то, о чем говорил Сергей Валерьевич. Здесь нужно искать слово. У нас нет изначального аванса доверия и взаимопонимания, и даже желания понять то, что верующие люди говорят, и то, о чем спрашивает общество. Мне кажется, что иногда нужно искать язык и выступать со своей позицией, то есть оценивать и показывать значение тех или иных вещей в жизни общества, более активно – чтобы просто быть услышанным, чтобы постараться побудить людей, читателей увидеть, посмотреть на вещи в современном обществе просто с другой стороны, которую они часто не видят. Дело в том, что все представления современного общества о «нормальной благополучной жизни», вообще говоря, чисто языческие. Они

Участники круглого стола. Справа налево: Александр Щипков, Дмитрий Гасак, Юлия Балакшина, Игорь Корпусов, Сергей Чапнин, Александра Колымагина, Светлана Солодовник

связаны с семейным благополучием, материальным благополучием, с физической безопасностью, с безопасностью в плане здоровья и так далее. О чем-то более высоком мало кто думает.

Ольга Седакова, поэт: Я буду говорить очень резко, потому что меня тревожит то, что происходит между церковью и обществом. Всё это превращается в своего рода гражданскую войну общества против церкви, а церкви против общества. Церковные спикеры скажут: только либерального общества. Но дело в том, что «либерал» теперь – просто уничижительное название. Диалога по существу нет. Антицерковные выпады (словесные) становятся всё грубее. Но эта грубость отчасти провоцирована тем, что на вопросы не отвечают, а по старой советской традиции «дают отпор». Переходят на личности (ты так говоришь, потому что хочешь понравиться либералам: кому позволено таким образом «читать намерения?»), передергивают (говорит одно, а на самом деле имеет в виду вот что) и т. п. Приемы характерные и абсолютно неприличные. Конечно, и «свободомыслящие» в своих обвинениях переходят границы приличия. Но по моему убеждению, ответственность за принятие решения в этой ситуации должна принять на себя прежде всего церковь. Потому что принятие на себя ответственности отвечает христианской позиции, во-первых. И потому что, как я сказала уже, церковь часто провоцировала враждебное отношение к себе. Когда от имени церкви говорят вещи, которые возмущают просвещенного человека (пускай не христианина, но и у вполне мирского человека есть представления о том, что нравственно, а что нет, и уж ниже этого уровня опускаться просто стыдно), вещи жестокие, чудовищные, то реакцию очень легко предсказать. Среди моих нецерковных знакомых я знаю немало людей, которые относились к церкви со стороны, но с уважением. За последнее же время церковь превратилась для них просто в какое-то чудовищное пугало. Конечно, и они не стесняются в выражениях, но мне кажется, церковные журналисты и церковь должны думать, прежде всего, о себе: чем они вызывают такое отношение к себе? В публице нашей есть какие-то течения, движения, враждебные церкви, и было бы странно, если бы их не было после долгого советского «воинствующего безбожия». Но все же такие настроения были явно немногочисленны и не они составляли характер нашего светского общества.

Нужно, по крайней мере, с уважением прислушиваться к тому, что общество сегодня говорит, чем конкретно оно недоволено – и ответить на это. Не обязательно согласиться, но ответить. Но обычно в таких разговорах с нецерковными людьми представители церкви заранее видят в них врага, которого, как в советское время, нужно добывать, «если он не сдастся», обвинять в самых низких мотивах («они подкуплены») или переименовывать то, о чем он спрашивает. Например, первый вопрос, который общество ставит, – это отношения церкви с современной формой государства. А церковь на это отвечает, что общество протестует против стремления церкви утверждать какие-то вечные моральные нормы. Я не слышала, чтобы кто-нибудь был уж так агрессивно против моральных норм. Есть маргинальные группы, но в них ли дело? Часто с моральной позиции выступает именно общество: оно хочет, чтобы церковь заступалась за гонимых, вмешивалась в тех случаях, где человека унижают, мучают и т. п. Общество хочет, чтобы в пользу церкви у народа не отнималось и то небольшое, что у него осталось: как в идущем сейчас споре о Нижегородской консерватории.

или переименовывать то, о чем он спрашивает. Например, первый вопрос, который общество ставит, – это отношения церкви с современной формой государства. А церковь на это отвечает, что общество протестует против стремления церкви утверждать какие-то вечные моральные нормы. Я не слышала, чтобы кто-нибудь был уж так агрессивно против моральных норм. Есть маргинальные группы, но в них ли дело? Часто с моральной позиции выступает именно общество: оно хочет, чтобы церковь заступалась за гонимых, вмешивалась в тех случаях, где человека унижают, мучают и т. п. Общество хочет, чтобы в пользу церкви у народа не отнималось и то небольшое, что у него осталось: как в идущем сейчас споре о Нижегородской консерватории.

Общество много ожидало от Церкви в 90-е, в начале ее легитимизации. Больше всего, я думаю, ожидало чего-то похожего на святость. Теперь, боюсь, оно (я имею в виду широкое общество) ожидает этого не от людей, а только от святых. Людей Христовых не увидели. А они есть! Вот с этого нужно было бы начать диалог.

Понятно, что наше общество совершенно не просвещено в отношении церковной жизни. Но кто его просвещает? Вместо этого предлагают запрещать книги, фильмы, музыкальные концерты, запрещать, запрещать... Предпринимают позорные переделки классики (сказку Пушкина переиздали в цензурной обработке Жуковского). Все это выглядит скандально. Тот, кто официально обличен правом говорить от имени церкви, может, например, заявить, что Моцарт – это ерунда¹. Самое же страшное, что я слышала от людей, имеющих право официально представлять церковь, – это высказывание о. Димитрия Смирнова по поводу смерти академика Кона². После этого высказывания многие люди сказали, что если церковь такова, что празднует чью-то смерть, то они о ней просто слышать не хотят. Ведь даже атеисты не радуются гибели ближнего. Вот в таком образе предстает сегодня церковь...

Надо сказать, что светское общество остается чутким: как только кто-то со стороны церкви говорит иначе, то это сразу становится слышно и вызывает сочувствие. Допустим, выступления Кураева против жестокости по отношению к этим злосчастным девицам. Или то, что говорит о. Сергей Круглов, всегда слушают. Сколько мы знаем в церкви людей глубоких, христианских, просвещенных и учтивых – но слышно почему-то не их, а эти фюрерские крики о том, как загнать интеллигенцию в окопы, развязать маленькую победную войну и т. п. О том, что жертвы насилия сами виноваты, потому что были не

так одеты. Или про «крест роскоши», который церковь должна нести, чтобы ее уважали. Однажды – прошлой осенью – я была на богословской конференции в Италии, и там докладчик, говоря о современной русской церковной публицистике, зачитывал высказывание за высказыванием такого рода. Зал буквально стонал. Люди закрывали лицо руками. Стыдно. Не называйте это «возвратом средневековья». В средневековье ничего подобного не было.

Общество много ожидало от Церкви в 90-е, в начале ее легитимизации. Больше всего, я думаю, ожидало чего-то похожего на святость. Теперь, боюсь, оно (я имею в виду широкое общество) ожидает этого не от людей, а только от святых. Людей Христовых не увидели. А они есть! Вот с этого нужно было бы начать диалог. Показать правду, красоту, скромность.

Светлана Солодовник, редактор отдела политики «Ежедневного журнала»: Я хочу поздравить газету «Кифа» с юбилеем и сказать, что это одно из немногих изданий, пытающихся наладить многострадальный диалог общества с церковью. Хотя лично мне в этой формулировке тоже видится лукавство, потому что когда мы говорим «диалог церкви и общества», предполагается, что церковь инакова по отношению к этому обществу. И на мой взгляд, главная беда в том, что она действительно ощущает себя инаковой по отношению к этому обществу. И весь ее диалог с обществом складывается так сложно именно по этой самой причине. Церковь постоянно пытается играть в обществе какую-то роль, но она не живет в этом обществе и интересами этого общества, не готова рассматривать интересы именно этого общества и, отталкиваясь от этих интересов, вести это общество к спасению. Церковь готова вести диалог с культурой, но не с той культурой, «которая только перформанс». А что делать, если огромный пласт современной культуры – это перформанс? Что должна церковь сказать этой культуре? «Ты не та культура, и мы с тобой разговаривать не будем, а будем вести диалог с той хорошей культурой, которая где-то есть, но никто её не видит»? И в эту ситуацию мы утыкаемся всё время. Мы не будем говорить на эту тему, потому что это нам по каким-то причинам не нравится, и мы не будем говорить на ту тему, потому что нам это по другим причинам не нравится. И в результате диалог церкви и общества не складывается. И заканчивается всё это тем, что на фестиваль «Вера и слово», например, нет широкой аккредитации журналистов. Раньше этого не было. Я, например, присутствовавшая на первых фестивалях, очень хотела пойти на фестиваль «Вера и слово» и поговорить с людьми из провинций, понять, какая там ситуация. Но нет, нельзя. Так о каком же диалоге можно говорить после этого?

Тут прислали записку, которая отчасти совпадает с тем, о чём я говорила. «Кто говорит: „я познал Его“, но заповедей Его не соблюдает, тот лжец, и нет в нем

истины; а кто соблюдает слово Его, в том истинно любовь Божия совершилась: из сего узнаем, что мы в Нем» (1 Ин 2:4,5). Кто-нибудь когда-нибудь и самое главное – как, объяснял ли обществу необходимость выполнения заповедей в своей жизни, не только в словах и делах, но и в мыслях и чувствах? По моему ощущению, у нас нет людей с органичным христианским сознанием, которые действительно могли бы изнутри этого сознания вести диалог церкви с культурой, или, вернее, свой собственный диалог христианина с культурой. И это ещё одна проблема, с которой сталкивается диалог. Но тут опять вступают в дело попытки объяснить культуре что правильно, а что неправильно, «потому что хотя я так не чувствую и так в общем не живу и этого не понимаю, но правильно было бы так, а не эдак».

Александр Щипков, главный редактор портала «Религия и СМИ»: Я хотел бы начать с поздравления замечательной газете «Кифа». Мне кажется, что достоинство этого издания в том, что читатель, беря в руки основные тексты, получает четкую и ясную позицию. Достаточно взять свежий дайджест лучших интервью и пробежаться по материалам отца Александра Пелина, или отца Георгия Митрофанова, или отца Павла Адельгейма, чтобы в этом убедиться. Каждый автор абсолютно честно, без двусмысленностей выражает свое мнение. В конце мысли стоит точка, нет никакой недосказанности. И это очень хорошо, потому что недосказанность уже порядком надоела. Как говорила моя покойная матушка: «Невозможно жить все время в мутной воде». Хочется ясности и понимания.

Трудно предположить, что размышляя об отношениях церкви и общества, кто-то будет добиваться противостояния, его отстаивать и стремиться к нему. Понятно, что речь идет о диалоге. И на самом деле мы о диалоге церкви и общества говорим уже очень давно. Я сам, ещё живя в Петербурге, принимал активное участие в деятельности общества, которое называлось ВЦИК – «Встреча. Церковь и культура». И все разговоры о церкви и обществе обычно сводились к разговорам именно о взаимодействии церкви и культуры.

На мой взгляд, сегодня это уже не столь актуально, и абсолютно прав Сергей Валерьевич, который стал говорить не о церкви и культуре, а о церкви и политике. Потому что церковь и политика – это тот нерв, который открыт, который болит и о котором мы все и рассуждаем сегодня в первую очередь. Ведь политика касается и церковной жизни, и нашей повседневной жизни, от этого куда не уйти. Поэтому я максимально кратко выскажу несколько «политических» замечаний. Мы находимся в состоянии напряжённого информационного противостояния, в центре которого находятся религиозные проблемы, находится церковь. Одно из главных обвинений – это тезис о сращивании церкви и государства, о клерикализации государства. На мой взгляд, это самая важная тема и самая сложная, и в этом обвинении скрыта очень большая ложь. Потому что собственно клерикализация – это возможность церкви или её представителей влиять на принятие государством политических решений. Представить, что наше государство и тот режим, который сегодня существует, хоть на один миллиметр подпустит церковь к принятию политических решений, просто смешно. Понятно, что власть никак не сообразуется ни с церковью, ни с церковным народом в принятии решений. Мы это видим, потому что решения, которые принимаются и принимались последние десятилетия, мягко говоря, не очень расположены к простому народу. Я имею в виду всё, что касается медицины, образования, вообще всей

социальной сферы и так далее. Почему же тогда выдвигаются эти обвинения? Я читал много антиклерикальных текстов – не ругательных, не оскорбительных текстов, а интеллектуальных – где об этом рассуждают достаточно подробно. В этих текстах есть некое лукавство, потому что вслух они говорят о том, что никак нельзя допустить влияние церкви на государство, на самом же деле пытаются не допустить влияния церкви на общество. Слова одни, а подтекст совсем иной. Нас обвиняют в том, чего нет (клерикализация), и пытаются запретить то, на что церковь имеет право по Конституции – влиять на общество. Это есть осмысленная и продуманная ложь, а ложь никак не способствует диалогу. Для того, чтобы состоялся диалог, нужны условия диалога. Нужна спокойная честная медийная обстановка, равный доступ в СМИ для выражения своей позиции. И тогда церковь сможет вступить в диалог с обществом. И пока агрессивные нападки на церковь не закончатся, ни о каком диалоге просто и речи быть не может. Нас просто травят и загоняют в угол.

Александр Копировский, профессор, Учёный секретарь СФИ: Думаю, что уже хорошо – вести пусть не диалог (какой сейчас диалог!), но даже просто разговор, какой-то звук по этой теме издать. Звук может быть не очень эстетичен, но очень красив, не очень целостен. Неважно: если мы сейчас не пискем, не издадим этот звук, то, может быть, завтра никакого звука не будет вообще. Как в известной песне: ничего не будет, будет вечная музыка...

Вот, нам тут пришла записка от святого апостола Иоанна Богослова, Светлана Солодовник её читала. Очень хорошая была записка. Цитаты из Писания всегда прекрасно звучат. Можно поэтому добавить еще одну: «Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет, и дом, разделившийся сам в себе, падёт». Если на страницах газеты без всякой собственной позиции даётся слово левым, правым, чёрным, белым, зелёным, полосатым («у нас толерантность, все имеют слово»), причем дело доходит до прямой конфронтации, до крика, до терминов, соответствующих гражданской войне, – это царство, разделившееся в самом себе. Так нельзя, потому что это далеко от проповеди Христа.

Но «Кифа», мне кажется, провела свое первое десятилетие тождественно самой себе. Все эти десять лет её можно было сразу узнать именно по цельности, по ровному, без криков, тону. Было за что и критиковать её. Думаю, от меня главный редактор претерпел много больше, чем от других, но это всегда был разговор конструктивный: что можно исправить, что можно дополнить.

Если же говорить о недостатках, то во многом это отражение недостатков нашей церковной жизни, очевидных разделений в ней. К сожалению, и внутри себя каждый может разделяться. Поэтому и сегодняшний разговор даже не многоточием кончается, он ещё, по сути, только должен начинаться. Нужно только, чтобы каждый из нас и все мы вместе внутри себя не разделялись, но и не пытались идти во все стороны одновременно. Единства искать трудно, оно, в каком-то смысле, крест.

¹ На круглом столе в галерее Марата Гельмана прот. Всеволод Чаплин сказал: «Я не люблю Моцарта, я считаю, что в значительной степени это Бритни Спирс своего времени. За исключением отдельных гениальных озарений, он писал однообразные и попсовые вещи» («Интерфакс», 5 апреля 2012 г.).

² «Я думаю, все религиозные люди в нашей стране (и христиане, и мусульмане, и иудеи) восприняли эту вещь с чувством глубокого, но ещё пока не полного удовлетворения» (Мультимедийный блог прот. Димитрия Смирнова).

В ближайших номерах «Кифы» будут опубликованы и прозвучавшие на круглом столе доклады

«Кифе» – 10 лет

Начало на с. 1

Никита Струве, главный редактор «Вестника РХД»: Трудно сочетать газетную доступность и серьезность,

но я считаю, что «Кифе» это удаётся. Я желаю «Кифе» долголетия. Это в каком-то смысле единственная православная газета сейчас в России из более увесистых. В увесистых изданиях обычно увлекаются фотографиями. В «Кифе» же всё очень хорошо уравновешено: прошлое с настоящим, интервью со статьями, традиция русской эмиграции и современная церковная жизнь России. Некоторые статьи очень длинные для газеты. Но, тем не менее, мне кажется, что «Кифа» – это большая удача.

Сергей Юрский, народный артист России:

Я поздравляю удивительную газету. Удивительную в своём постоянстве, удивительную в своих изменениях, которые я тоже замечаю. Но эти изменения – это творческие изменения, это не метания никогда, а сознательное дальнейшее движение по собственному пути. В ней удивительные люди приглашены к диалогу, это необыкновенно интересно. Я всегда удивляюсь, как вы их находите, как они откликаются на ваш призыв! Православные молодые священники, которые занимаются миссионерской деятельностью с такой открытостью, с такой естественной страстью и вместе с деликатностью. Это удивительные люди. Они редкость. Вот, я и сказал бы, что мои поздравления, мои пожелания – сохранить эту индивидуальность газеты. Здесь нет банальных людей, которые говорят то, что уже сказано много раз. И нет случайных людей, которые зацепились и ушли дальше. Это действительно диалог.

Ольга Седакова:

Прежде всех пожеланий я хотела бы сказать, что люблю эту газету, жду каждого нового номера и всегда чувствую себя не только

её читателем, но и в каком-то смысле сотрудником, потому что довольно часто мне приходится участвовать в её работе. Насколько я знаю церковную прессу, «Кифа» для меня – самое интересное издание. Мне даже трудно сказать, что ей ещё пожелать. Наверное, продолжать в том же духе: касаться важных тем, сообщать о людях, которым есть что сказать, рассказывать о событиях в их правдивом освещении. «Кифа» всегда серьезно относилась к темам современности и культуры. Эту линию я пожелала бы развивать. Например, обсуждать ту рефлексию современности, которую осуществляют светские мыслители. И может быть – хотя это не дело газеты, реагирующей на свежие новости, – говорить иногда и о «неактуальных» вещах, о классике. Ведь одна из черт современного кризиса – замкнутость на «актуальном».

Дмитрий Гасак:

Православная пресса, на мой взгляд, мало интересна для широкого читателя, потому что в основном она носит повествовательный характер. А сейчас время не очень повествовательное, востребованы материалы другого рода. И в этом отношении «Кифа» совершенно особенная

газета. В ней практически нет размеренного повествования, которое бы выбивалось из современного ритма, из современного восприятия жизни. Мне нравится, что у авторов и у редакции все время есть желание идти вглубь и рассматривать те или иные проблемы церковной жизни в их основании. Этого, мне кажется, не хватает и в церковной жизни вообще, и в церковной журналистике, потому что церковная журналистика все время пытается, как мне кажется, уходя от повествовательности, впасть в другую крайность и подстроиться под светскую, иметь такую же сенсационность, такую же динамичность. Но жизнь церкви не предполагает ставку на сенсацию, на скандал, на какое-то противостояние – на все то, на что ориентирована пресса светская. И это, с одной стороны, особая трудность, потому что прессе все равно нужно заинтересовывать читателей. С другой же стороны, мне кажется, это хорошая возможность говорить о каких-то вещах всерьез. А если уж и искать какого-то спора, то по существенным вопросам. Я думаю, церковная пресса может давать возможность людям высказаться и способствовать таким образом диалогу внутри церкви. Мне кажется, «Кифа» с этой задачей справляется. Хотя я хотел бы пожелать большей диалогичности, больше разных точек зрения на те или иные вопросы, скажем, на проблемы восприятия русской церковью опыта новомучеников и исповедников российских, на вопросы духовного образования, просвещения, катехизации, миссии, благотворительности. «Кифа» – замечательное поле, замечательная среда, замечательная, как сейчас говорят, площадка, на которой не просто могут звучать разные голоса, параллельно совершенно, как сейчас часто происходит, а именно, мне кажется, авторы имеют возможность слышать друг друга. И этим надо пользоваться. Конечно, можно пожелать большей яркости и внятности заголовков, которые должны не шифровать материал, а его раскрывать, совершенствования фоторяда. Ну, и очень хотелось бы, чтобы газета выходила с большей частотой, может быть, раз в две недели. Все-таки современный ритм жизни предполагает более частый ритм газет. В связи с этим, конечно, хотелось бы пожелать, чтобы интернет-версия развивалась, совершенствовалась и расширялась, чтобы она имела большее влияние.

Александр Копировский:

Поздравляю «Кифу» с десятилетием. Это отнюдь не подростковый возраст для газеты. Мне хочется пожелать ей, как обычно желают, широты распространения, увеличения тиража.

Но не с тем, чтобы она снизила свой статус и уровень и за этот счёт приобрела большее количество читателей. Наоборот, я надеюсь, что читатели будут всё больше проникаться теми серьёзными проблемами, которые ставятся и раскрываются в «Кифе», всё больше будут интересоваться подлинной церковной жизнью, а не только её внешней стороной. Чтобы с помощью «Кифы» всё больше было в нашей церкви людей и оглашенных, и образованных.

Полностью текст поздравлений опубликован на сайте <http://gazetkifa.ru>

Картинки с фестиваля

В Москве прошёл пятый фестиваль православных СМИ «Вера и слово». Эта встреча православных журналистов из всех епархий Русской православной церкви (в этот раз на неё собралось больше 500 человек) продолжалась три дня. Конечно, в жанре газетного репортажа можно рассказать лишь об отдельных темах разговоров, отдельных встречах – о том, что нам показалось наиболее интересным.

Информационная война?

Одной из главных тем первых встреч стало обострение отношений между церковью и обществом в информационном пространстве. Фестиваль начался накануне официального открытия неформальной встречи журналистов с главой Синодального информационного отдела Владимиром Легойдой. Вопреки ожиданиям организаторов фестиваля, этот разговор собрал около двухсот человек и продолжался несколько часов. Начался он с очень острых вопросов – прежде всего о том, почему комментарии официальных спикеров Русской православной церкви часто не «гасят» острые ситуации, а скорее «раздувают» их. Из этого вопроса неизбежно возникли и другие – а что сами журналисты могут сейчас сделать в атмосфере нарастающего напряжения? Нужно сказать, что если кто-то предлагал те или иные пути решения проблем, многие (как это бывало и в предыдущие годы) сетовали на отсутствие руководящих указаний из центра. Правда, под конец фестиваля стало ясно, почему об этом идёт такой упорный разговор: обиженные сарказмом коллег сторонники ЦУ объяснили, что есть епархии, где архиереи не разрешают журналистам никакой инициативы, и чтобы что-то сделать, нужно, скажем, продемонстрировать письмо Синодального отдела.

Разговор о том, как создавать «положительную повестку дня», продолжился на следующий день и также был местами достаточно острым. После его окончания мы попросили одного из участников дискуссии дать свой комментарий.

На фестивале вот уже второй день очень остро стоит тема всё увеличивающегося напряжения между церковью и обществом. Как Вам кажется, не слишком ли эти переживания сосредоточены в настоящее время? Не должны ли мы постараться соотносить то, что происходит сейчас, с тем, что происходило в прошлом столетии, где, может быть, лежит корень очень многих проблем, с которыми мы столкнулись сейчас?

Писатель, историк, автор цикла телепрограмм «Кто мы?» Феликс Разумовский: Эта ситуация достойна большого вдумчивого разговора, потому что в ней много концов, от которых можно «отмотать верёвочку» к началу, здесь многое намешано. Но есть и то, что у меня вызывает в первую очередь досаду. Досадно то, что мы на этот соблазн и очевидную провокацию откликнулись, повелись. Отреагировали непосредственно, как дети, очень чрезмерно, забыв обо всём на свете, отложив буквально все дела... Впрочем, возникает серьёзное подозрение, что никакие особые дел у нас в действительности не было и нет. Так, кое-какие разговоры, – не более того. И это, конечно, не пустяк. Много говорит о том, что нам не хватает своего настоящего дела, как в Церкви, так и в обществе. На нашей Земле, в нашем русском Доме везде и всюду следы запустения, разрухи, бездеятельности. Мы даже храмы не сами строим, а зовём гастарбайтеров. Мы не можем сосредоточиться, задуматься, нам не знакомо вдохновение. На

фоне этой апатии известные вздорные истории закономерно переместились на первый план, где их попросту не должно быть. И сразу обнаружился колоссальный вакуум настоящего дела...

...и, может быть, недостаток укоренённости в собственной традиции, что можно понять, особенно вспоминая, как это всё выкорчёвывалось в течение семидесяти лет.

Ну, понять-то можно всё, а оправдать – тем более. К любой ситуации можно отнестись снисходительно. Но почему-то всё равно остаётся досада. Ведь после тех «семидесяти лет» уже прошло много времени: двадцать лет, срок немалый. Но на что потрачено это время, чем мы занимались, о чём думали... Я вспоминаю, как однажды, в 1994 году, приехал в Пушкинский Дом к академику Панченко. Александр Михайлович – большой учёный, один из умнейших русских людей, и один из самых глубоких, к тому же великолепный знаток той самой «традиции», с которой у нас на самом деле не всё в порядке. Так вот, при мне корреспондентка из ВВС берёт у академика интервью и спрашивает: «Как Вы относитесь к Собчаку?» Поскольку он человек снисходительный и ироничный, то, конечно, легко отшутился. Панченко на мякине не поведёшь. Но я тогда долго не мог прийти в себя от этой глупейшей ситуации. О какой ерунде легкомысленная журналистка, так сказать, на голубом глазу, спрашивала Панченко! На что третила его и наше время... Нечто похожее произошло сейчас на наших глазах. Нам подсунили глупость и вздор, и мы с горящими глазами ринулись обсуждать и спорить. И ещё, судя по сегодняшнему разговору, кому-то кажется, что нужно было кого-то опередить, взять инициативу в свои руки. А ведь всё уже давно сказано: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых». Вот и всё.

О монашествующих, ИНН и ювенальной юстиции

Важным и интересным для многих участников был не слишком радостный разговор о состоянии дискуссии по документам Межсоборного присутствия. Большинство православных СМИ никак не комментируют ни проекты документов, ни дискуссию по ним (на этом месте мы про себя с гордостью заметили, что «Кифа» несколько раз публиковала пространственные аналитические обзоры дискуссии по документу Межсоборного присутствия о церковнославянском языке). Что же касается дискуссии, развернувшейся на портале «Богослов», то уровень многих участников оставляет желать лучшего, и большинство из них обсуждают не документы, а те или иные свои личные страхи и предпочтения. Из последних обсуждаемых тем на первое место выходит тема ИНН (1282 комментария), на второе – сравнительно более содержательная и важная дискуссия по документу о монастырях и монашествующих (1052 комментария). По очень важным для церкви и народа темам, таким как отношение церкви к экологии, наркомании, ювенальной юстиции, комментарий почти на два порядка меньше. По мнению главного редактора портала «Богослов», протоиерея Павла Великанова, «публикация документов Межсоборного присутствия показала, что у нас нет удобных для всех слоёв церковного сообщества площадок, которые взяли бы на себя функцию представительства интересов различных групп внутри Церкви. Речь не идёт о какой-то церковной «многopартийности»: но если мы хотим реальной широкой рецепции всей полнотой Церкви обсуждаемых документов, а также существенного повышения КПД дискуссий, то появление подобных «рупоров» представляется крайне желательным»¹.

На фестивале «Кифа», сайт Преображенского братства и сайт СФИ выступали, как и в прошлые годы, единой командой

Небольшой комментарий о проблемах дискуссии дал «Кифе» ещё один участник круглого стола:

Предсоборная дискуссия начала XX в. была очень качественной, она велась с уважением к оппоненту. Сейчас мы это утратили...

Архимандрит Савва (Тутунов), заместитель Управляющего делами Московской Патриархии: Нельзя сказать, что совсем утратили. Кроме того, и в предсоборные годы оппоненты друг друга чихвостили будь здоров, в том числе и профессора академии.

Да, но, тем не менее, они какую-то границу не переходили.

Бывало – переходили. Если почтять деяния Собора, можно увидеть, как некоторые участники выразились друг о друге. Считаю, что сейчас основная проблема ведения дискуссии – это не жёсткость, а неумение аргументировать и формулировать, некомпетентность. Во время дискуссии на Соборе 1917–1918 года её участники порой наизусть цитировали работы своих предшественников. А вот та полемика по документам Межсоборного присутствия, о которой сейчас говорилось (и не только она), включала далеко не всегда компетентные комментарии. И эта проблема неумения аргументировать и формулировать стоит сейчас не только в Церкви, но и вообще в России. Да и в целом современная мировая цивилизация многое утратила в этом направлении.

То есть это в первую очередь вопрос духовного образования?

Не только духовного, но и общего образования. Нужно вводить курсы риторики в школах. Это проблема общая для всех.

Умрут ли печатные СМИ

Когда участникам фестиваля пришлось выбирать между разными круглыми столами, мы, конечно же, выбрали обсуждение темы о печатных СМИ. И с тем, с чего начался круглый стол, сердце не могло согласиться: все ведущие в один голос говорили, что печатные СМИ теряют тиражи и неминуемо умрут в самом скором времени (расходились лишь в продолжительности этого времени – от 3 до 20 лет – и в том, что придёт на смену газетам: компьютеры, айпады или какие-то пока ещё неизвестные нам технологии). Однако появившийся ближе к середине дискуссии главный редактор одного из самых читаемых (прежде всего молодёжь столичных городов) журналов – «Русского репортёра» Виталий Лейбин утешил собравшихся: падают лишь тиражи западных изданий (например, с 4 до 2 млн), в России же совокупные тиражи растут, а общее число читателей – около 35 млн. Порадовал он всех и здоровой белой завистью к православным изданиям, имеющим, по его мнению, огромный ресурс: «...у православной прессы изначально есть способ говорить о ценностях. В светской прессе мы мучительно продаёмся в какой-

нибудь язык, где можно высказаться по-человечески. Мы это всегда делаем через интервью, очерки, репортажи, “подслушивая” то, как люди ещё продолжают говорить про то, что имеет хоть какой-то смысл: правду, истину, любовь, дружбу. И всегда это сложно. Я давно пишу колонки, и меня всегда начинает трясти от того, как мне сложно написать колонку о политической или общественной ситуации, потому что если я напишу прагматично, мне самому будет противно, а если напишу “нравуучительно”, то буду сам себе противен, потому что выпадет из преимущественного стиля. У вас такой проблемы нет».

Говорить нельзя молчать

Одной из самых интересных встреч фестиваля стала презентация книги Александра Щипкова «Территория Церкви: информационная атака на Русскую Православную Церковь 2011–2012 гг.». Интересна она была неожиданно живой и открытой дискуссией на одну из главных тем православной журналистики: можем ли мы открыто говорить о внутрицерковных проблемах. «Не можем, это будет грехом Хама», – убеждал ведущий. «Не можем, потому что всё, что ни совершается в церкви, и хорошее, и плохое, – от Бога», – утверждали некоторые из участников дискуссии. «Не только можем, но и должны. Если мы забудем, что Церковь – это Богочеловеческий организм и от каждого из нас, от откровенного разговора между нами зависит многое в её жизни, проблемы не будут решаться и возрождения церкви не произойдёт», – в один голос говорили представители разных епархий. То, что этот разговор произошёл, не превратившись при этом в ругань и взаимные обвинения, мне кажется очень важным.

Встреча с патриархом

Фестиваль закончился встречей с патриархом Московским и всея Руси Кириллом. Вопросы были интересными и разнообразными. Пересказывать ещё более интересные, содержательные ответы – занятие неблагодарное, пусть лучше наши читатели посмотрят в Интернете всю беседу². Однако об одном ответе всё же невозможно не упомянуть. Патриарх предостерег всех от радикальных, называемых ныне фундаменталистскими, тенденций, ибо они разделяют людей и могут привести к цивилизационным конфликтам, ставящим под угрозу судьбу страны и всего мира.

Александра Колымагина

¹ Доклад о. Павла доступен по адресу <http://www.bogoslov.ru/text/2919045.html>

² Выступление патриарха на фестивале «Вера и слово». Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=rKWS6tm6cHo> Ответы на вопросы журналистов. Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=UJYE1rBRbE4>

Просветитель Камчатки

Исполнилось 50 лет со дня кончины митрополита Нестора (Анисимова)

Иеромонах Нестор,
камчатский миссионер
(1907 г.)

Митрополит Нестор (Николай Александрович Анисимов) родился 9/22 ноября 1885 г. в г. Вятке в день празднования иконы Божией Матери Скоропослушница. Он с раннего детства отличался глубокой религиозностью. После окончания реального учили-

ща обучался на Миссионерских курсах при Казанской духовной академии.

В 1907 г. по влечению души и воле Божьей, получив благословение св. праведного Иоанна Кронштадтского, Николай Анисимов решает на подвиг миссионерства. 17 апреля 1907 г. в Казанском Спасо-Преображенском монастыре он принимает монашеский постриг с именем Нестора. 6 мая 1907 г. возводится в сан иеродиакона, а спустя три дня посвящается в иеромонахи.

2 июня 1907 г. о. Нестор выезжает на место миссионерского служения на Камчатку. В 1907–1909 гг. иеромонах Нестор в суровых природных условиях добросовестно, часто с риском для жизни исполняет свой пастырский долг, проповедуя слово Божие и обращая в веру Христову тысячи язычников-камчадалов. Глубокое уважение к людям, их языку и традициям, постоянная готовность оказать помощь больным, немощным и обиженным снискали иеромонаху Нестору глубокую любовь и доверие паствы в самых отдалённых уголках огромного края. Однако молодой пастырь не чувствовал полного удовлетворения от своей деятельности. Он понимал, что своими малыми силами он никогда не сможет решить проблем всеми забытой Камчатки. Нужно было привлечь к ним внимание сильных мира сего, духовенства, всех честных людей, желающих помочь ближним, страдающим от

нищеты, болезней, пьянства, невежества и своеволия самодуров-начальников. Так возникла идея создания Благотворительного Православного Камчатского Братства.

В начале 1910 г., получив благословение правящего архиерея, о. Нестор отправляется в Санкт-Петербург, где сталкивается с черствостью и даже враждебностью бюрократов Святейшего Синода и его обер-прокурора. Это не останавливает молодого иеромонаха. Ценой больших усилий ему удаётся привлечь к идее создания Братства широкую православную общественность и депутатов Государственной думы. Однако решающую роль сыграло личное участие св. государя Николая Александровича, св. государыни Александры Фёдоровны и вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны. В результате этих усилий 14 сентября 1910 года во Владивостоке было открыто Благотворительное Камчатское Братство во имя Нерукотворного образа Всемилоостивого Спаса, а вскоре появились его отделения в Санкт-Петербурге, Москве, Киеве и других городах России. Выдающиеся люди разных сословий (духовенство, общественные и политические деятели, представители науки и культуры, купечество, предприниматели, аристократы) считали за честь быть членами и жертвователями Братства. Деятельно помогали Братству св. равноапостольный Николай, архиепископ Японский, преподобномученица великая княгиня Елизавета Фёдоровна, священномученик Владимир, митрополит Киевский и Галицкий, свт. Макарий, митрополит Алтайский. Действенную помощь оказывала царская семья. Братству были подарены церковь, утварь, денежные средства, даны льготы по перевозке грузов. Официальным покровителем Братства стал св. цесаревич Алексей.

В 1910–1917 гг. на средства Братства на Камчатке массово строились церкви, часовни, школы, приюты, больницы и амбулатории.

Изучив тунгусский (эвенкийский) и корякский языки, иеромонах Нестор перевёл на них Божественную Литургию, частично Евангелие и избранные молитвы. За эту работу о. Нестор в

1913 г. был возведён в сан игумена. Уже тогда его стали заслуженно называть «апостолом Камчатки».

После начала Великой войны 1914 г. о. Нестор организовал и возглавил санитарный отряд «Первая помощь под огнём врага». В составе лейб-гвардии Драгунского полка он, верхом на коне, сопровождал воинов в кавалерийских атаках, лично выносил с поля боя раненых, перевязывал их, утешал и организовывал отправку в лазареты. За пастырское милосердие, исключительное бесстрашие и отвагу игумен Нестор был удостоен высшей военной награды для духовенства – наперсного креста на Георгиевской ленте, а также ряда боевых орденов с мечами и бантами (Святой Анны 2-й и 3-й степеней, Святого Владимира 4-й степени).

В конце 1915 г. о. Нестор был отозван с фронта, возведён в сан архимандрита и продолжил свою пастырскую миссию на Камчатке.

16 октября 1916 г. о. Нестор был хиротонисан во епископа и назначен правящим архиереем новообразованной Камчатской епархии. Годы, проведённые на Камчатке, владыка называл самыми счастливыми в своей жизни.

Просветитель Камчатки

Начало на с. 1

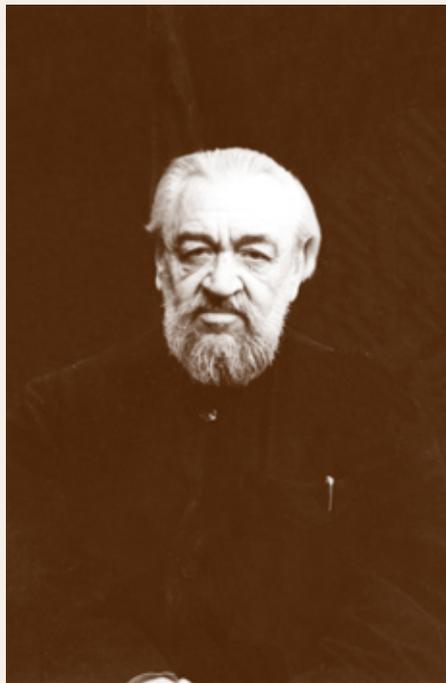
В числе немногих иерархов, епископ Нестор не принял Февральскую революцию, считая её происками врагов России. В 1917–1918 гг. он участвовал во Всероссийском Поместном соборе и выборах св. патриарха Тихона. После большевистского переворота, в разгар октябрьских революционных событий в Москве он ходил с санитарной сумкой по улицам ночного города и, пренебрегая опасностью, подбирая раненых, оказывая им медицинскую помощь. По благословению Собора как член комиссии по фотографированию и описанию повреждений Кремля большевиками епископ Нестор издаёт обжигающе-обличительную книгу «Расстрел Московского Кремля», признанную важнейшим документом эпохи. В этот же период владыка становится вдохновителем и организатором единственной непритворной попытки (к сожалению, неудачной) спасения царской семьи. В марте 1918 г. владыка впервые арестовывается большевиками и около месяца находится в заключении. На свободу он был выпущен только под давлением Поместного собора и верующих. Тогда на защиту молодого архипастыря встала вся православная Москва.

После завершения работы Собора епископ Нестор с большими трудностями через Киев, Одессу, Крым, Турцию, Сирию, Египет, Индию и Китай добирался до Петропавловска-Камчатского, где продолжает своё епископское служение. Вскоре, однако, он изгоняется большевиками с Камчатки.

Находясь в вынужденной эмиграции в г. Харбине (Маньчжурия), владыка тяжело переживает разлуку с любимой Родиной, однако не впадает в уныние. С удвоенной энергией он продолжает свою пастырскую, проповедническую, милосердную и общественную деятельность и вскоре становится одним из признанных духовных лидеров дальневосточной ветви русской эмиграции. В 1921 г. епископ Нестор основывает в г. Харбине Камчатское подворье, а позже «Дом милосердия и трудолюбия», благодаря деятельности которого удалось сохранить тысячи жизней взрослых и детей, попавших в круговорот гражданской войны. Труды владыки на территории «Дома Милосердия» построены церковь и часовня-памятник Венценосным мученикам.

Несмотря на настроения 1920–30-х годов в церковной жизни на Родине и в Русском зарубежье, епископ Нестор

последовательно отстаивает идеи единства страждущей Матери-Церкви. В этот период владыка посещает ряд стран Европы и Азии, встречаясь с иерархами Русской православной церкви за границей, предстоятелями ряда Поместных православных церквей, многими видными деятелями русской эмиграции, и совершает паломничество на Святую Землю. В 1938–1939 гг. занимается миссионерской работой в Индии и на Цейлоне (Шри-Ланка). В 1933 г. он возводится в сан архиепископа, а в 1941 г. удостоивается права ношения креста на клобуке.

Митрополит Нестор (заклученный Николай Анисимов) в Дубравлаге (фото 1955 г.).

Владыка Нестор никогда не заблуждался относительно природы большевистской власти в России. Её богоборческую сущность он уяснил ещё в октябре 1917 г., наблюдая за трагическими событиями штурма большевиками Московского Кремля, а также будучи активным участником многих событий Гражданской войны на Украине, в Крыму, в Сибири и на Дальнем Востоке. Последовательный в своих взглядах, владыка Нестор всегда открыто выражал своё негативное отношение к большевистскому режиму – устно и в многочисленных книгах,

брошюрах и статьях. Эта убеждённость в неизбежности падения богоборческой власти не покидала владыку до конца его дней.

Вместе с тем, он всегда оставался горячим патриотом Родины и непоколебимым поборником единства Русской православной церкви. После начала Великой Отечественной войны владыка решил, что в тяжкую для Родины годину испытаний он не вправе быть вне Матери-Церкви. В 1943 г., в самое трудное для страны время, когда исход войны ещё никто не мог предвидеть, он тайно устанавливает связь с Московской Патриархией. Эти контакты в течение определённого времени приходилось скрывать, поскольку в условиях жесточайшего режима японской оккупации они представляли смертельную угрозу как для самого владыки, так и для его паствы. Тем не менее, в его проповедях с новой силой зазвучала тема святого долга защиты Отечества от поработителей, находившая живой отклик среди прихожан и усиливавшая их патриотические настроения.

В июне 1945 г., ещё до начала военных действий СССР против Японии, владыка Нестор предпринимает не просто смелый, а по условиям того времени героический шаг – открытое богослуженное поминовение имени Святейшего патриарха Московского и всея Руси. По его инициативе все харбинские архиереи подписали обращение к патриарху Московскому с просьбой принять их и паству под свой омофор.

В августе 1945 г. архиепископ Нестор вместе с другими русскими жителями Маньчжурии радуется приходу армии-освободительницы и встречается с её командованием.

В 1946 г. Святейшим патриархом Алексием I владыка Нестор возводится в сан митрополита и назначается правящим архиереем Харбинским и Маньчжурским, Патриаршим Экзархом по Восточной Азии. Деятельность владыки на этом посту в тяжёлые послевоенные годы была чрезвычайно плодотворной.

14 июня 1948 г., в день намечавшегося выезда из Харбина в Москву на празднование 500-летия автокефалии Русской православной церкви, он неожиданно арестовывается китайскими властями и депортируется в СССР. Особым Совещанием при МГБ СССР архипастырь был приговорён к 10 годам исправительно-трудовых лагерей.

В вину владыке ставится издание книги «Расстрел Московского Кремля», а также его церковная и общественная деятельность в период эмиграции. Наказание он отбывает в мордовских лагерях для содержания особо важных государственных преступников – Особлаг № 3 (Дубравлаг). Тяжкие годы заключения, сопровождавшиеся изощрёнными пытками, издевательствами и унижением, не сломили воли архипастыря.

После освобождения в 1956 г. владыка назначается митрополитом Новосибирским и Барнаульским. Это была крупнейшая в Русской православной церкви епархия, включавшая в то время территорию Новосибирской, Томской и Кемеровской областей, Красноярского и Алтайского краев, а также Тувинской АССР (почти 20 % территории СССР).

Отягощённый многими болезнями, полуслепой, он находит силы для того, чтобы проповедовать Слово Божие не только в крупных городах епархии (Новосибирск, Красноярск, Томск, Кемерово, Барнаул, Бийск, Кызыл, Ачинск), но и в затерянных в глуши посёлках, где, по его собственному выражению, никогда не ступала нога архиерея, а люди не видели епископа и его служения. Это привело к заметному оживлению церковной жизни епархии. Владыка протестует против закрытия храмов, ставит вопрос открытия новых приходов и Духовной семинарии. Высокая активность митрополита Нестора вызывала крайнее неудовольствие властей, организовавших гонение на архипастыря.

В декабре 1958 г. митрополит Нестор назначается управляющим Кировоградской и Николаевской епархией.

В этот период владыка, несмотря на продолжавшиеся гонения, много ездит по епархии, совершает богослужения, проповедует Слово Божие, протестует против закрытия храмов богоборческой властью. В трудное время, предшествовавшее закрытию Свято-Успенской Киево-Печерской лавры, владыка посещает обитель, чтобы утешить её наместника и братию, укрепить в них уверенность в неизбежности победы Веры Христовой. В 1961 г. он завершает написание удивительно искренней книги воспоминаний, выдержавшей в последние годы много переизданий.

Скончался митрополит Нестор 22 октября / 4 ноября 1962 г. в Москве в день празднования Казанской иконы Божией Матери. При отпевании разрешительную молитву над почившим архипастырем прочитал Святейший Патриарх Алексий I. Похоронили владыку в ограде Спасо-Преображенского храма патриаршего подворья в Переделькино.

Православный народ хранит благодарную память о великом миссионере, смиренном молитвеннике, милосердном пастыре, удивительном человеке, горячем патриоте, блестящем проповеднике и выдающемся церковном писателе.

Петропавловская и Камчатская епархия возбудила ходатайство перед Священным Синодом Русской православной церкви о прославлении просветителя камчатских народов митрополита Нестора в лике святых.

Александр Караулов
(крестник митрополита Нестора),
Валерий Коростелев. Фотографии
владыки предоставлены авторами

Много ли в Ирландии православных

Более 45 тыс. человек исповедуют православие в Ирландии, свидетельствуют последние данные переписи населения 2011 года.

Это в два раза больше, чем в 2006 году, и в четыре раза больше, чем в 2002 году. Таким образом, по официальным данным, православие является самой быстрорастущей религией в Ирландии, сообщает сайт Russianireland.com.

Самым крупным центром православия в стране является город Свордс на севере графства Дублин – там, по данным на 2011 год, жило 1168 православных.

Перепись также показала, что большинство православных в Ирландии – румыны по национальности (26 %). Далее идут граждане Ирландии (20 %) и Латвии (12,5 %).

«В Ирландии православие не яв-

ляется чем-то новым или чужим – оно всегда здесь было. Как известно, до XI века ирландское христианство было очень похоже на наше. Но после захвата Ирландии англичанами это своеобразное было намеренно устранено папой Римским. Наверное, поэтому многие ирландцы воспринимают православие как что-то свое, родное», – заявил настоятель патриаршего подворья Русской церкви в Дублине священник Михаил Насонов. По его словам, в Ирландии уже работают семь приходов Московского патриархата.

Самой распространенной религией в Ирландии остается католицизм (3,86 млн человек, 84,2 % населения), а затем следуют протестантизм (более 134 тыс. человек) и ислам (более 49 тыс. человек).

Интерфакс-религия

В Румынии прошла международная миссионерская консультация

С 30 октября по 2 ноября на православном богословском факультете Бухарестского университета состоялась IV международная консультация миссионеров и миссиологов, организованная англиканским Обществом церковной миссии (Church Mission Society, CMS). Ее цель – обмен опытом, развитие международного сотрудничества и обсуждение наиболее актуальных богословских и практических вопросов.

Среди участников – Комиссия по миссии и евангелизации (Commission on World Mission and Evangelism) при Всемирном совете церквей, православная семинария Велико Тырново (Болгария), евангелический фонд «Faith to share» (Великобритания), Синодальные отделы Русской православной церкви, Свято-Филаретовский православно-христианский институт, Православно-христианский миссионерский центр (США – Румыния – Франция). Всего в консультации приняли участие 15 человек из 12 стран мира.

В рамках консультации участники из Русской православной церкви: председатель Миссионерской комиссии при Епархиальном совете г. Москвы иеромонах Дмитрий (Першин); руководитель Центра духовного просвещения Синодального отдела тюремного служения, научный сотрудник методического кабинета Миссионерского факультета ПСТГУ Наталья Пономарева и сотрудник Методического центра по миссии и катехизации при Свято-Филаретовском институте Мария Дикарева – побывали на встрече молодежи из «Воинства Господня», крупнейшего румынского православного движения, возглавляемого протоиереем Василе Михоком, профессором Богословского факультета в Сибиу.

Информационная служба СФИ

Воцерковление жизни или двухразовая беседа перед крещением

20 октября с. г. в Тверской епархиальной средней школе во имя свт. Тихона Задонского состоялось долгожданное для митрополии событие – семинар «Катехизическая деятельность в современных условиях».

Семинар проводил епархиальный Отдел религиозного образования и катехизации. На семинаре присутствовало около 60 человек, среди которых было 14 священников.

Открыл семинар председатель Отдела иеромонах Иаков (Стёпкин), который указал на неутешительный факт: в Твери всего в пяти храмах из трех десятков проводится подготовка к крещению (состоящая из одной-двух бесед). Им были названы основные проблемы современной тверской огласительной практики: нерадение священников, невозможность ими исполнять своё основное призвание – служение Слова из-за погруженности в решение хозяйственных и административных вопросов прихода. Иеромонах Иаков призвал мирян помогать священникам в катехизации и, «засучив рукава», трудиться над воцерковлением людей, чтобы «не упустить открывшийся исторический момент и вместе выполнить свой духовный долг – исполнить заповедь: “Идите и научите все народы”». «Крещение без подготовки равносильно отправ-

ке человека в бой без оружия», – так образно была обозначена проблема.

С основным докладом выступил Антон Ракушин, специалист сектора катехизации Синодального отдела религиозного образования и катехизации. Докладчик построил свое выступление на раскрытии катехизического опыта древней церкви, говорил о принципах, которые должны соблюдаться при катехизации, – целостность, последовательность, длительность. Соблюдение этих принципов приносит свой плод – полное воцерковление человека. В качестве современного опыта такого воцерковления автор назвал практику оглашения Преображенского братства, духовным попечителем которого является священник и катехизатор Георгий Кочетков. Антон Ракушин отметил: «Мы уважаем этот опыт и к нему приглядываемся, однако, поскольку он является только копированием того, что было в древней церкви, трудно представить его реализацию в современных условиях». Это заявление вызвало дискуссию по докладу. Участники семинара с интересом выслушали краткое выступление катехизатора Боголюбского малого православного братства города Твери Марии Лавреновой. Поблагодарив докладчика за доброе церковное свидетельство об опыте Преображенского братства,

она заметила, что он не может быть копированием, во-первых, потому, что сложился задолго до того, как был открыт и изучен опыт катехизации древней церкви, а во-вторых, потому, что представляет собой гибкую практику, отвечающую реалиям современной жизни (индивидуальная, групповая, краткая, длительная катехизация и т. д.). Открывшаяся соотнесенность свидетельствует о возможности святоотеческой катехизации в наши дни.

Во второй половине семинара клирик московского храма Рождества Иоанна Предтечи протоиерей Олег Стеняев провел мастер-класс «Методика противосектантской работы на приходе». О теме семинара – катехизации – он не упоминал.

Это выступление и несостоявшийся круглый стол по обмену опытом катехизации позволяют сделать вывод, что собственно о катехизической деятельности в Тверской епархии сказать особенно нечего. А жаль, потому что реальный опыт катехизации как воцерковления всей жизни человека в Твери всё-таки есть, и связан он с двадцатилетней деятельностью двух малых православных братств – Спасского и Боголюбского, приведших в церковь не одну сотню людей.

Информационная служба
Преображенского братства

В одном из самых престижных технических вузов Москвы появилась кафедра теологии

Кафедра теологии появилась в Национальном исследовательском ядерном университете МИФИ, ее заведующим стал глава Отдела внешних церковных связей (ОВЦС) Московского патриархата и Синодальной библейско-богословской комиссии, ректор Общецерковной аспирантуры и докторантуры митрополит Волоколамский Иларион.

Обучение на новой кафедре будет добровольным, оно призвано преодолеть религиозное невежество и предназначено, прежде всего, для молодых людей, которые «не знают, для чего они учатся, для чего они должны работать». «Ученый совет единогласно утвердил открытие кафедры теологии в НИЯУ МИФИ и кандидатуру митрополита Волоколамского Илариона в качестве ее заведующего», – сообщили в ОВЦС.

В беседе со студентами после своего утверждения митрополит Иларион сказал, что «университет

по-прежнему призван давать людям образование, которое было бы более или менее универсальным, то есть (чтобы) человек, обладающий высокой степенью компетенции в одной области, не оказывался профаном в других областях». По его словам, в советское время религиозный компонент был искусственно изъят из системы светского образования. А до революции обособленное существование богословских школ в России было связано с тем, что духовные академии создавались раньше университетов. «Духовные академии никогда не ставили перед собой ту задачу, которую ставят университеты, потому что духовная академия или семинария – это церковное учебное заведение, которое создается для того, чтобы воспитывать священнослужителей или церковных работников», – уточнил он.

«Задача преподавания теологии в рамках общего университетского курса как раз и заключается в том, чтобы

предоставить возможность студентам получить знания в той области, которая продолжает играть существенную роль в жизни людей, то есть в области религии...», – считает митрополит Иларион.

Он подчеркнул, что кафедра теологии «будет способствовать диалогу между религией и естественнонаучным знанием».

Глава ОВЦС отметил также, что такие кафедры функционируют уже почти в 50 высших светских учебных заведениях России. «Имеется положительный опыт работы таких кафедр теологии, которые возглавляются православными священнослужителями, но в рамках которых ведутся спецкурсы по исламу, иудаизму, буддизму, по другим религиозным традициям... Все это может быть создано и на кафедре теологии МИФИ», – полагает ее заведующий.